

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 8

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2011

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

- Знание о прошлом в современной культуре (материалы “круглого стола”). Участвовали: В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, А.Л. Никифоров, В.К. Финн, А.Н. Медушевский, К.В. Хвостова, Д.Г. Лахути, Г.Г. Малинецкий, М.А. Кукарцева, Н.Н. Садовая, О.Н. Капелько..... 3
- В.В. Емельянов** – Исторический прогресс и культурная память (о парадоксах идеи прогресса)..... 46
- П.А. Ольхов** – Диалог как путь в историю (о книге В.Л. Махлина “Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии”)..... 58

Философия, культура, общество

- А.А. Брудный** – Воля, эго и очевидность 67
- Е.Н. Груздева, В.В. Калмыкова** – “Властелин колец” как миф постиндустриального, сетевого и информационного общества..... 75

Философия и наука

- В.П. Зинченко** – Ценности в структуре сознания..... 85

Из истории отечественной философской мысли

- Е.А. Прибыткова** – Владимир Сергеевич Соловьев о нравственном призвании права..... 98
- В.К. Кантор** – “Положительно прекрасный человек”, помогавший выжить (русская эмиграция и ее хранитель)..... 111

Ф.А. Степун – Письма Марии и Густаву Кульман. Публикация и комментарии В.К. Кантора.....	116
А.А. Хамидов – Необычное произведение Г.С. Батищева	144

История философии

М.А. Солопова – Античный атомизм: к вопросу о типологии учений и истоках генезиса.....	157
И.С. Изотова – “Лаборатория смерти” Мигеля де Унамуно	169

Из редакционной почты

М.И. Билалов – Гносеологические идеи в религиозном сознании	177
--	-----

Критика и библиография

А.Е. Разумов – Ю.Д. Гранин. Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ	181
Д.А. Замилов – В.А. Успенский. Апология математики	184
Н.Г. Багдасарьян – Г.А. Геворкян. Философия. Наука. Культура	188
Наши авторы.....	191

**Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

**Э. Агацци (Италия), Ань Цинянь (Китай), А.А. Гусейнов (Россия),
В.П. Зинченко (Россия), А.Ф. Зотов (Россия), А.Н. Нысанбаев (Казахстан),
А.П. Огурцов (Россия), Т.И. Ойзерман (Россия), М.В. Попович (Украина),
В.Н. Садовский (Россия), В.С. Степин (Россия), Ю. Хабермас (Германия),
Р. Харре (Великобритания)**

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**П.П. Гайденок, А.А. Гусейнов, В.К. Кантор, В.А. Лекторский, В.Л. Макаров,
В.В. Миронов, Н.С. Мотрошилова, И.С. Разумовский (ответственный секретарь),
А.М. Руткевич, Ю.Н. Солонин, В.С. Степин,
Н.Н. Трубникова (заместитель главного редактора), Т.В. Черниговская
Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>**

“Положительно прекрасный человек”, помогавший выжить (русская эмиграция и ее хранитель)*.

Письма Ф.А. Степуна Г.Г. Кульману

В. К. КАНТОР

В своей статье В.К. Кантор рассматривает непростые отношения русских эмигрантов с теми западноевропейскими чиновниками, которые строили структуры, позволявшие выжить русским интеллектуалам. Автор анализирует эту проблему на письмах Ф. Степуна Г. Кульману. Автор также публикует архивные письма Степуна Кульману.

In his article V.K. Kantor considers complicated relations Russian émigrés with these west-european functionaries, who have built organizations, structures, to assist survive Russian intellectuals. Author analyses this problem examining letters of F. Stepun to G. Kullmann. Author also publishes archived letters of Stepun to Kullmann.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Западная Европа, большевизм, нацизм, эмиграция, Степун, Кульман, революция, война, победа, издательство, журнал.

KEY WORDS: Russia, West Europe, bolshevism, nazism, emigration, Stepun, Kullmann, revolution, war, victory, publishing house, journal.

На протяжении всего XIX в. русская литература и философия искала героя, которого без сарказма можно было бы назвать “героем нашего времени”. Это и Пьер Безухов, и Платон Каратаев, это Рахметов и Лопухов, это князь Мышкин и Алеша Карамазов, это Пелагея Ниловна Горького и т.д. – разных взглядов, разных исповеданий, но ориентированных на помощь ближним. Достоевский нашел определение такого героя – “положительно прекрасный человек”. Причем сверхзадача русских писателей была в том, чтобы эти герои как бы ожили, стали общественной реальностью. Под видом рахметовых во власть ворвались бесы (русским писателям жизненно удавались страшные фигуры, они-то и оживали). Эти бесы и выгнали русских писателей и мыслителей из России, чтобы не очень-то воображали себя “солью русской земли”, в расчете, что эта соль растворится в европейском море и ее вкус Россия забудет. Большевики играли почти наверняка. Шанс на погибель отвергнутых Родиной был большой. Европа шла к своей катастрофе, казалось,

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00064а).

ей не до русских изгнанных. Военное министерство Германии, с которым был у большевиков договор о проезде русских интеллектуалов, разумеется, заботиться о приехавших не собиралось.

Как мы знаем, благородных людей в мире, готовых прийти на помощь, не так много, масса, как таковая, чувства сострадания не знает, у нее одна лишь страсть – страсть к насилию, вспомним Элиаса Канетти (“Масса и власть”), и жажда фюрера. Но рыцари оставались, как всегда, бравшие на себя большую ношу. Скажем, был поклонник русской духовности, сам известный мыслитель, автор трехтомника “Россия и Европа”, первый президент Чехословацкой республики Т.Г. Масарик. Он организовал приют, создал структуры для работы русских мыслителей (в Праге жили Б. Яковенко, П. Струве и др.). И все же большинство оказалось не в Чехословакии, а в Германии и Франции. А там жизнь была тяжела и скучна. В этих странах активно работала советская ЧК. Но и там эмигрантов (это ведь был почти исход – несколько миллионов) поддерживали твердые и надежные руки. Разумеется, главные силы были направлены на поддержку русской интеллигенции, которую Ленин называл “говном нации”. Но для кого-то на Западе задача сохранить интеллектуальную Россию как антитезу большевистской идеологии оказалась чрезвычайно важной. Какие цели были у этих хранителей – можно догадываться. Но великие тексты русской мысли и литературы они спасли. Теперь эти тексты снова в России. Как поразительно судьба русских изгнанных напоминает судьбу Данте, которую русские мыслители постоянно вспоминали. Изгнанный из Флоренции, он стал теперь ее символом. Аналогичное превращение произошло и с русской эмиграцией. Их книги, стихи, картины стали гордостью русской культуры. Кто укрывал Данте? Разумеется, противники Флоренции. Так ли это важно сегодня? Русские эмигранты сверяли свою судьбу с судьбой Данте. Это и Мережковский, и Борис Зайцев, написавшие книги о Данте. Слова Зайцева об изгнании Данте звучали как история о русских изгнанных: “Пять дней грабил плесб дома Белых, а власть захватили Черные и Валуа. К Рождеству все вожди Белых бежали, среди них и Данте. А 27 января 1302 г. был обнародован декрет об изгнании Данте и его товарищей” [Зайцев 1922, 11]. Данте – это надежда, что и их слово переживет беду их времени: “Жизнь Данте была полна волнений, горечи и неудач. ”Божественную Комедию” в его дни почти не знали. Тем грандиознее посмертная слава этого задумчивого и уединенного скитальца, вознесшая его на вершины человечества и осиявшая сказочным величием” [Зайцев 1922, 32].

Мы мало знаем о тех людях, что помогали, спасали, опекали русских эмигрантов. Они были, что называется чиновниками в неких структурах, создававшихся Западом в противовес Советской России. Как-то Честертон написал, что люди любят рассказы о сыщиках и контрразведчиках, потому что они напоминают средневековых рыцарей, вышедших на борьбу со злом. А зла было немало, и оно было активно. Это понимали эмигранты, понимал и Запад, не просветский (был такой, и очень влиятельный), а тот, который выступил хранителем (в какой мере это было возможно) русской культуры. Агенты ЧК выкрадывали белоэмигрантов, убивали их (это видно из писем Степуна). Характерны заметки в эмигрантской прессе, скажем, в кадетской газете “Руль” в 1922 г.: “Берлинская политическая полиция нашла след новых приготовлений к посягательству на жизнь проживающих в Берлине видных русских общественных деятелей” [Макаров 2010, 306]. Противостояли им, разумеется, не ангелы с крыльями, а тоже сотрудники специальных органов, которые по отношению к изгнанным русским интеллектуалам выступали, однако, не как вербовщики, а как охранители. Благодаря их усилиям создавались издательства, печатные органы, институты. Скажем Русское студенческое движение, знаменитый “Вестник РСХД”, издательство “УМКА-Press” и т.д.

Но были среди них и ангелы, бросившиеся на помощь русской мысли совершенно искренне, любившие русскую культуру, выросшие на ней, ставшие друзьями русских эмигрантов. Именно так – ангелом – назвал одного из них Степун, а именно Густава Кульмана. Но прежде, чем привести слова Степуна “Памяти <...> Кульмана”, стоит дать хотя бы бегло факты биографии “ангела”.

Густав Густавович Кульман (Gustave Kullmann, 1896–1961), швейцарец, родившийся в Голландии, учился в Йельском университете. Юрист по профессии, поклонник рус-

ской культуры, он встречал русских философов, высланных “на философском пароходе”, помогал в их трудоустройстве, один из создателей и соредкторов (вместе с Бердяевым) журнала “Путь” (1925–1940), работал в “YMCA-Press”, секретарь американского отдела YMCA. За год до женитьбы на Марии Зерновой (впоследствии – Кульман) – в 1928 г. Г. Кульман принял православие. В 1931 г. начал работать в международных организациях по интеллектуальному сотрудничеству. С 1938 г. он заместитель Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций, потом при ООН, занимался делами перемещенных лиц (DP), помогал еврейским беженцам, его именем назван один из кибуцев в Израиле. Но это позже. В 1920–1940-е гг. Кульман в центре русских эмигрантских судеб, в переписке со многими.

Для понимания близости Кульмана к русской эмиграции важно добавить, что его жена – родная сестра Николая Михайловича Зернова. Сам Н.М. Зернов в 1921 г. эмигрировал к Константинополю, откуда перебрался в Белград, где окончил богословский факультет Белградского университета в 1925 г. Как отмечается всеми, кто писал о Зернове, его биография вполне типична для интеллектуала-эмигранта, но не рядового. Из Белграда он переехал в Париж. Активный член Русского студенческого христианского движения (РСХД). Секретарь РСХД (1925–1932). Первый редактор “Вестника РСХД” (1925–1929). Доктор философии Оксфордского университета (1932). Преподавал основы восточной православной культуры в Оксфордском университете. В последние годы жизни руководил деятельностью дома свв. Григория Нисского и Макрины в Оксфорде. Скончался 25 августа 1980 г. в Оксфорде. После него осталось богатейшее собрание книг и рукописей русских эмигрантов, которое хранится теперь в Москве, в отделе религиозной литературы и книг русского зарубежья Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы (фонд Зернова). Сохранилось письмо Степуна Зернову, где он отвечает на вопросы, которые Зернов разослал всем видным представителям русской эмиграции. Отрывок из этого письма любопытен, как самохарактеристика Степуна: “Писать обо мне очень трудно, потому что мою философию, нигде систематически не изложенную, но представляющую собой вполне законченную систему, надо почти по крохам собирать из всех моих книг” [Bakhmeteff Archive Zernov].

Кстати, встреча Степуна и Кульмана сразу определила их интеллектуальные интересы. Автор самой значительной немецкой книги о Степуне (биографически-проблемной) Кристиан Хуфен замечает, что знакомство и “важная дружба” произошла у Степуна и Кульмана на докладе Макса Шелера 18 марта 1923 г. в Берлине в Религиозно-философской академии [Хуфен 2001, 107]. Существенно, что в этот момент “приехавший из Швейцарии Кульман руководил образовательной программой YMKA в Берлине” [Хуфен 2001, 108]. Как известно, Берлин очень близок к Дрездену, где жил Степун. А уже с 1929 г. он становится в Дрездене директором Международного института студенческой взаимопомощи. Отсюда идет не только знакомство, но и возможная совместная работа Степуна и Кульмана. Надо сказать, что дружил не только Степун с Кульманом, дружили, естественно, и их русские жены. В 1931 г. Кульманы уезжают из Германии, но переписка не обрывается, напротив, усиливается. Скажем, в том же 1931 г. Наталья Степун пишет Марии Кульман о том, что происходит в их городе – о “ежедневных уличных боях в Дрездене с убитыми и тяжело ранеными” [Хуфен 2001, 341].

Именно Кульману он рассказывает очень личное – о встрече с умирающим Эмилием Метнером, издателем “Мусгета”, за которым Степуны ухаживали и которого похоронили. К Кульману Степун писал, советуясь и прося помощи (скажем, в связи с изданием “Нового Града”), обсуждал общих знакомых – Федотова, особенно много занимается в его письмах имя Пауля Тиллиха. С Тиллихом Степун подружился давно. Надо сказать, что преодоление трудностей с получением профессорской кафедры в Дрездене вчерашним русским эмигрантом связано с письмом-рекомендацией Э. Гуссерля и прямой поддержкой именно П. Тиллиха: “На заседании Ученого совета отделения культурологии выступил незадолго до этого занявший кафедру теологии протестантский философ П. Тиллих и охарактеризовал кандидата как серьезного исследователя, после чего Степун был утвержден на должность экстраординарного профессора социологии” [Гергилов 2009, 151–152]. Судя

по переписке, они дружили вместе и судьба Тиллиха, не вернувшегося в послевоенную Германию, занимала их мысли. К Кульману Степун обращался, когда решил тоже эмигрировать, опасаясь прихода на Запад Красной армии.

Сохранилось что-то вроде некролога Степуна на Кульмана, написанного по просьбе Марии Кульман. Приведем его, хотя и не целиком, выделяя лишь ключевые моменты. Именно здесь он и называет Густава Кульмана “ангелом-хранителем”, пытавшимся хранить русскую и еврейскую нации.

ПАМЯТИ ГУСТАВА ГУСТАВОВИЧА КУЛЬМАНА

Свое критическое отношение к западноевропейской культуре Иван Киреевский выразил словами: “Запад – это рационализм мысли и атомизм жизни”.

В своей критике отвлеченных начал Соловьев развил это положение и выдвинул как начало русской культуры религиозно укорененное положительное всеединство. Эту идею Достоевский уточнил требованием ее осуществления “может быть главная идея России и состоит в осуществлении ее идей”. Миросозерцание и жизненное дело Густава Густавовича легко и округло вписывается в треугольник, над тремя углами которого вписаны эти три формулы.

<...>

Если бы Густав Густавович родился типичным западным европейцем, он, блестяще окончивший юридический факультет и получив предложение остаться при университете, стал бы знаменитым профессором, написав книгу “о положительных и отрицательных сторонах идеи автономии, как главного принципа новой культуры”. Но он таковым не родился. Какая-то трепетная звезда с Востока заглянула в его колыбель и породила с Россией. Науки он не бросил; каждый читавший его статьи или слышавший его лекции не мог не ощутить в его устном и печатном слове больших, широких и к тому же лично окрашенных знаний, постоянно исполненных тяги к соседствующим наукам, к искусству, которое Кульман очень любил и понимал и, главное, к обязанности разрешения насущных проблем жизни. Этим разрешением он и занимался всю свою жизнь, не становясь профессиональным дельцом, суетливым функционером и политиканствующим демагогом, которые дружно разлагают современную Европу. Для Г.Г. характернее всего может быть то, что пройденный им жизненный путь неотделим от того пути, которым шла окружающая его трудная и сложная жизнь.

В Европе уже несколько десятилетий нарождается общеевропейский тип, для которого характерно как в культурной, так и в социальной жизни отрицание национального начала. Эта тенденция интенсивнее всего проявилась в большевизме, провозгласившем тезис, что субъектом культурного творчества является не нация, а пролетариат. К счастью, этот догматический тезис не осилил русского литературно-художественного творчества, в котором все сильнее пробиваются национальные черты. Не в столь радикальной формулировке, но тот же тезис завладевает и современную западноевропейскую, во всяком случае, немецкую литературу. На недавно прочитанном в мюнхенском университете цикле лекций очень умный и тонкий ученый доказывал, что в современной немецкой литературе субъектом художественного творчества надо считать не нацию, а общество, распадающееся на левое и правое крыло и порождающее левую и правую литературу, враждующие между собой. Несостоятельность этой теории доказывается, как мне кажется, прежде всего тем, что не у западноевропейского общества, ни у русского пролетариата нет своего языка, а есть только терминология, которой для художественного творчества недостаточно. Да и сам Господь заключил союз с еврейской нацией в целом, а не с ее отдельными частями. Среди католических профессоров-старозаветников существует, между прочим, мнение, что на Страшном Суде будут судиться не только отдельные личности, но и нации. Такое понимание Страшного Суда возможно только, если нацию считать живою соборною личностью, имеющую своих ангелов хранителей. Эту точку зрения в наше время защищал еще Вячеслав Иванов.

В Г.Г. меня всегда привлекало, что, живя во многих культурах, как по долгу службы, так и по широте своих интересов, он никогда не производил впечатления национально обезличенного человека, а всегда лишь национально многоликого. В качестве шутливого указания на это свое свойство, он как-то, помнится, говорил мне, что научные статьи он охотнее всего пишет по-немецки, застольные речи произносит по-английски, интересные и остроумные разговоры ведет по-французски, а о сердечных делах, о любви охотнее всего говорит по-русски. Эти характеристики можно, при некоторой фантазии, превратить в образы упомянутых 22-х европейских наций. Россию Г.Г. чувствовал очень глубоко и знал очень хорошо. Особенно ее богословскую науку и ее религиозное мирозерцание. Если бы не легкий акцент в разговоре, его можно было бы подчас принять за подлинно русского человека.

Я не помню, где и когда мы с женой познакомились с Г.Г. Мои воспоминания о Кульманах начинаются с полученного нами в Дрездене письма с просьбой найти для них квартиру, что в то время (это был, вероятно, 29 или 30 год) было не так легко. Квартира нашлась не вполне обыкновенная: небольшой домик, напоминавший помещичий флигель в густом саду; в памяти качаются головки каких-то больших цветов. Помню первый разговор у нас – сразу же интересный, живой, особенный и очень серьезный. Начавшаяся в Дрездене дружба продолжалась на протяжении всей нашей жизни, вплоть до последнего свидания в Прине.

Дар дружбы – особый дар. Г.Г. был им одарен в особенно сильной степени. Мы жили у Кульманов в Женеве, в Босси. И несколько сложных и бурных дней провели с Г.Г. в Мюнхене, куда он приехал после окончания Второй мировой войны. Вспоминая дни, недели и месяцы, проведенные с Кульманами, я испытываю нежность и глубокую благодарность за все полученное от Г.Г. Вспоминаю его мощную, но и изящную фигуру, его живые серые глаза, уютную трубку в зубах и, вспоминая, всегда заново волнуясь тем духовным и душевным началом, которое всегда ощущалось в нем. <...> [Bakhmeteff Archive Kullmann].

Это хорошее завершение вступительной заметки, дающее высокий духовный настрой для восприятия писем Степуна Кульману. Стоит в завершение напомнить, что сохранились только письма самого Степуна, все ответы его адресатов погибли в страшной бомбардировке англо-американской авиацией Дрездена (1945), когда дом Степуна был уничтожен до основания. Сам любимец Фортуны в этот момент был в отъезде. Но и без ответов понятны по письмам самого Степуна взаимоотношения адресатов. А они были высокие и достойные.

ЛИТЕРАТУРА

- Гергилов 2009 – *Гергилов П.Е.* Ф.А. Степун в Дрездене. Первые годы эмиграции // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 149–155.
- Зайцев 1922 – *Зайцев Борис.* Данте и его поэма. М.: Вега, 1922.
- Макаров 2010 – *Макаров В.Г.* Историко-философский анализ внутривосточной борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России. М.: Русский путь, 2010.
- Хуфен 2001 – *Hufen Ch.* Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884–1945. Berlin, Lukas Verlag, 2001.
- Bakhmeteff Archive Kullmann Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.
- Bakhmeteff Archive Zernov Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll. Zernov. Box 1. Stepun, Fedor Avgustovich. To Nikolai Mikhailovich Zernov.

Письма Марии и Густаву Кульман*

Ф. А. СТЕПУН

1¹.

Dresden, 23-го июля 1931 г.

Дорогой Густав Густавович²,

прежде всего о деле, с которым меня просил обратиться к Вам Илья Исидорович³. Боюсь, что я уже опоздал, так как ходят слухи, что Вы собираетесь в дальнее плавание. Представить себе не могу, как это Мария Михайловна⁴ будет в Москве! Я сам холодею при этой мысли от волнения, восторга и отчаяния. Когда у Вас окончательно установится, что Вы едете, обязательно сообщите нам. Вы единственные, которых можно попросить повидаться с нашими. Сейчас все перестали писать. Но обо всем этом я сейчас писать не буду. Возвращаюсь к делу Ильи Исидоровича – оно же и мое.

Я Вам уже говорил о том, что мы собираемся издавать небольшой (листов на 8–10) общественно-политический волевой журнал⁵. Распространяться о его направлении сейчас не буду. Думаю, что Вам будет ясно. Каков должен быть его облик, если я скажу, что в соредакторы Фондаминский пригласил меня и Федотова. Сотрудники – знакомые все лица; с одной стороны – Бердяев, Вышеславцев, Ильин (Владимир Николаевич)⁶, Флоровский, а с другой – Керенский, Гессен, Руднев⁷ и даже Кускова, но без Карташова⁸, Ив.А. Ильина, Зеньковского, а также без Вишняка⁹, Милюкова, Гурвича¹⁰ и т.д. Одним словом, фронт журнала представляется, с одной стороны, борьбой против клерикально-черносотенного православия, а с другой – против догматически старорежимного либерализма и социализма.

Я лично формулирую программу в следующих четырех пунктах.

1) Журнал религиозный, не обязательно православно-церковный, но обязательно не антицерковный и не антиправославный.

2) Журнал национальный (в смысле эроса, если хотите), но не националистический в политическом своем направлении.

3) Журнал остро чувствующий кризис буржуазно-капиталистического, в этом смысле антикапиталистический, и даже больше – социалистический.

4) Журнал – европейского дыхания, который должен расширить провинциальный дух эмигрантского Парижа.

---

* Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann. Письма от руки и машинописные, публикуются выборочно. Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00064а).

К Вам повторная и горячая просьба принять деятельное участие в журнале; в особенности необходимы Вы нам в связи с последним пунктом. Эмигрантская Россия, все еще волнующаяся спорами Струве с Милуковым и И.А. Ильина с Бердяевым, должна связаться с общественно-политическими течениями Запада. Надо конкретно и точно выяснить себе, чем живет европейская молодежь; как ветвится и перерождается социалистическая мысль; что происходит в душе европейского христианства. Конечно, наш журнал, журнал в известном смысле – славянофильский, но не надо забывать, что первый славянофильский журнал Ивана Киреевского назывался “Европеец”¹¹. Может быть, Вы, при всей Вашей занятости, успеете написать для нас небольшую статью (все статьи должны быть не длиннее 8–10 страниц). Может быть, Вы укажете на какую-нибудь возможность сотрудников, чувствующих нашу тему и могущих давать с наших точек зрения хронику или обзоры симптоматических европейских движений и событий под такими, например, заглавиями: “Кризис материалистического социализма”, “большевизм и европейская литература” и т.д.

Кроме просьбы помочь нам духовно, Илья Исидорович просит спросить у Вас. Не могли бы Вы помочь нам и материально. И.И. думает, что журнал можно будет поставить так, что он ничего не будет стоить, что он будет окупаться. Но самоокупаемость предполагает распространение не меньше, чем в количестве 500 экземпляров. Удастся ли сразу завоевать рынок – неизвестно. Чтобы продать 500, надо 200 разослать задаром. Из всего этого вырастает необходимость некоего гарантийного фонда. Мы хотим его создать как бы в складчину. Илья Исидорович устраивает некоторую часть требуемой суммы в Париже. Я пытаюсь устроить некоторую в Германии (сейчас это, конечно, невозможно), к Вам просьба достать на случай затруднений 100 долларов. Нельзя начинать, не имея в кассе некоторого обеспечения. Илюша надеется, что эти деньги, как только журнал встанет на твердые ноги, вернутся жертвователям, хотя поручиться за возврат, конечно, невозможно. Мне кажется, что при Ваших связях Вам на наше начинание достать 100 долларов будет хотя и очень трудно, но все же возможно. А начинание, по-моему, существенное.

Очень хотелось бы посмотреть, как вы устроились и как налаживается Ваша, по последним Вашим рассказам, весьма интересная работа. В конце концов, наша затея совпадает с Вашей воспитательной задачей. В последние дни я был поглощен написанной у Ваеумлер’а¹² докторской работой о понятиях государства и народа в новейшей педагогике. Работа очень серьезная, обнаруживающая большие знания и солидные научные способности, но одновременно совершенно антинаучная и безоговорочно догматическая. При помощи теории Ничше и Бахофена¹³, теории мифа и органического мышления, насаждается среди немецких народных учителей такой тупоумный шовинизм, что становится прямо-таки страшно за судьбу Германии и человечества. Насаждается сознательное, натуралистическое язычество, метафизическое мышление принудительно отделяется от этического, государство изображается, как мистерия крови, история преподносится в мифически-патриотическом порядке. Главы истории, Рейн, восточная граница и немецкие меньшинства. Такая помесь Ничше и Илловайского¹⁴, мифа и провинциальной оперы, что прямо-таки дышать нечем. И это все забивается в головы народных учителей в порядке принудительного слушания философских курсов. Решительно иной раз кажется, что Германии, при всех ее великих дарах, не дано дара политической мысли. Самое страшное ведь в том, что Ваеумлер, требующий политизации школьного воспитания, не читает газет и не пускает студентов в свои необязательные семинары.

Ну, что-то я расписался, мне совсем некогда писать, а Вам, вероятно, еще более некогда читать такие письма. Будьте добры, ответьте по возможности поскорее, а то Илюша очень волнуется.

Марии Михайловне и Вам наш самый душевный привет.

Искренне Ваш Ф. Степун

Dresden 8-го апреля 1936

Дорогой Густав Густавович,

за Вашу открытку из Америки большое спасибо. Хотел тогда же откликнуться на нее, но помешало чувство, что сколько не кликай, ни до чего не докличешься. Сейчас пишу по определенному поводу, вернее, по просьбе одного знакомого. Все его дело ясно из трех прилагаемых бумаг. Его привел ко мне известный Марии Михайловне и Вам Гога Сатин. Если можете, то примите Виктора Агушевича и помогите ему, как помогли Шведову выбраться в Южную Америку. У него есть связи, знания и очевидные некоторые средства. Он имеет очень хорошие рекомендации от фирмы "Willis Faber und Hübner Versicherungsmakler". От Вас ему ничего не нужно, кроме помощи в его хлопотах о получении визы. Сейчас Агушевич в Париже и пробудет там до 20-го апреля. Его парижский адрес Pension Kosier, 13 rue Washington. Если Вы паче чаяния на праздниках в Париже, то вызовите его к себе. Если же Вы в Женеве, то напишите ему, когда он может застать Вас дома в Швейцарии. Одним словом устройте ему, пожалуйста, так или иначе возможность свидеться с Вами. Он очень об этом меня просил. Он с удовольствием заедет на обратном пути в Берлин к Вам в Женеву.

Вашу жизнь у нас всегда вспоминаем с величайшею радостью. Очень мечтается опять повидать Вас с Марией Михайловной. В этом году семестр начался раньше, а потому раньше начнутся и каникулы. Если бы Вы могли устроить мне в той или иной форме какую-нибудь лекцию в Швейцарии, лучше всего бы русскую, закрытую, которая могла бы хоть отчасти оплатить дорогу, то мы были бы Вам очень благодарны. Наиболее правильным сроком было бы начало августа.

У нас пока всё идет по-старому; Иду Федоровну не видали уже довольно долго. Она всё больше в отъезде. Зимой были много на людях. Кроме университетского курса прочел в Дрездене от имени Соловьевского общества¹⁵ публичную лекцию о Толстом. Большой Соловьевский вечер в пользу церкви прошел очень оживленно и во всех отношениях удачно. Читал также в Аугсбурге и Бармене¹⁶. В Бармене и Кёльне мы были с Наташей¹⁷ у очень замечательных людей. Три дня подряд я читал лекции в частном доме. Кроме лекций была декламация и музыка. Слушатели, около 70-и человек, сидели и переживали сосредоточенно и восторженно и уходили домой первые два дня без маковой росинки во рту. Только в воскресенье был ужин и беседа до двух часов ночи. Очень замечательная, древняя во всем этом Германия. Марии Михайловне все бы очень понравилось.

Письмо это Вы получаете под самый Светлый праздник. Поздравляем вас обоих и от души желаем вам, нам и всему миру света и любви. Сбудутся ли эти пожелания?

Кланяйтесь, если Вы в Париже или если Вы будете там, всем добрым знакомым. Распространяйте в Швейцарии "Новый град". Сейчас я закончил для 11 № большую статью¹⁸, в которой есть ряд мыслей, быть может, интересных и для Западной Европы. В особенности для Англии. Если у Вас будет свободное время, прочтите статью и подумайте, пожалуйста, не стоило бы ее в сокращенном и переработанном виде напечатать по-английски. Хотел бы многое еще написать вам обоим, но за поздним часом моего и исторического дня прекращаю нашу, Агушевичем вызванную беседу.

Душевно преданный Вам

Ф. Степун

Христос Воскрес, дорогие Мария Михайловна и Густав Густавович, целую вас по три раза. Наталья

Dresden 21-го июля 1936 г.

Дорогие Мария Михайловна и Густав Густавович,

вы, вероятно, удивляетесь, что мы до сих пор еще не ответили на вашу открытку. Но мы до самого последнего времени не знали, сможем ли воспользоваться вашим радушным приглашением. Нет слов, оно было бы гораздо приличнее сразу же от души поблагодарить вас, а потом уже по выяснении всех обстоятельств отвечать по существу. Но до

приличной жизни, к которой мы и сами стремимся, нам, очевидно, не дойти, уж очень у нас всего много.

Сейчас выяснилось, если не случится каких-нибудь неожиданных затруднений, что мы сможем в самом начале августа выехать к вам, чему мы бесконечно рады и за что от души благодарим вас.

Кроме всяких формальных трудностей и денежного вопроса (лишь на днях выяснилось, что правительство отпускает деньги на Швейцарию) случилось тут у нас еще одно задерживающее обстоятельство. Приехавший из Теплица к своим старым дрезденским друзьям Эмилий Карлович Метнер¹⁹ слег с тяжелым воспалением легких в больницу. Кроме нас (его друзья – две беспомощные, больные женщины) у него здесь никого не было. Покинуть его больным было бы совершенно невозможно. В прошлую среду мы его похоронили²⁰. Так поистине трагически освободила нас судьба для Швейцарии. Я не знаю, знали ли Вы Эмилия Карловича, но для меня с ним связана, быть может, самая лучшая и светлая эпоха моей жизни: Москва, символизм, Логос, Мусaget, одним словом, все то, что было разрушено войной и похоронено революцией. Думаю, что нам удастся выехать отсюда 4-го, самое позднее 5-го августа. Был бы очень рад, если бы наше свидание осуществилось в том полном объеме, о котором вы пишете. Особенно хочется мне поговорить с Борисом Петровичем²¹. Мы тут страшно отрезаны от эмигрантской России, и поэтому мне представляется особо важным проверить себя на нем, стоящем в центре всех парижских споров. Хотя вы и пишете, что в августе устройство лекций невозможно, все же сообщая на всякий случай, что речь может идти только о закрытых лекциях на русском языке, так как для открытых и немецких требуется разрешение целого ряда правительственных инстанций, о котором я не ходатайствовал. Да и вообще, может быть, лучше помолчать²².

О дне и часе нашего приезда мы сообщим вам, конечно, заранее. Наташа и я шлем вам самые сердечные приветы. Еще раз большое спасибо.

Ваш Ф. Степун

4.

Dresden 13-го июля 1937 г.

Дорогая Мария Михайловна,

мы непростительно долго не отвечали вам на Ваше письмо, но Вы, хочу надеяться, простите нас.

Было очень, очень грустно думать о смерти тети Мани. Каждое утро, выходя в сад к чаю, я любовался ее по старинному благородной, портретной красотой и светлой добротой ее души, становившейся только лучистее в минуты ее сетований на непослушание Мишеньки и “левые загибы” Гюстава. И неправая в своих политических выступлениях, она в сущности была всегда права, так как всем своим существом являла совершенный образ того непроходяще-прекрасного в нашем прошлом, без чего даже я, страстный защитник пореволюционного сознания, не представляю себе нашего будущего. Как я понимаю, что Вам бесконечно дорого, что образ тети Мани останется в Мишенькиной жизни. Когда я думаю о Мишеньке, вспоминающем о своей тете Мане, я вижу его на милом фоне родного, русского заката. Наташа же так полюбила тетю Маню, что очень часто с большим волнением вспоминает о ней и подходит к своему письменному столу, чтобы позвонить в ее колокольчик...

Мы так долго не писали Вам, потому что у нас было во всех отношениях довольно сложное и трудное время. Не говоря уже о страхе за своих родных (долго не было никаких известий) у нас и здесь было не все благополучно. Болела мама²³, болела сестра в Нюрнберге, болел и я в связи со своим тромбофлебитом. В школе²⁴ весь семестр шли неприятности, которые к концу завершились моим удалением в отставку. Удален я внешне по весьма приличному параграфу, гласящему “об упрощении управления”, но за этим нейтральным термином кроются другие мотивы, выяснившиеся в моей переписке с министерством. Был я уволен в сущности по двум мотивам. Во-первых, за христианский антирасизм, во-вторых, за русскость, не позволяющую меня рубрицировать как “заграничного немца”, вернее, как члена заграничной немецкой колонии.

Хотя материально нам будет в связи с мамой (Вы ведь имеете представление о ней, о навыках ее жизни и о нашем с Наташей ныне не исполнимом желании не жить втроем)

довольно трудно справляться с внешнею жизнью (я буду получать около трехсот марок), я все же рад тому, что смогу по-настоящему засесть за бескорыстное чтение и свое любимое писательство. Думаю, в ближайшее время написать большую заключительную книгу обо всем, что довелось пережить и продумать за последние двадцать лет.

Мы собираемся в последних числах июля приехать в Париж и очень надеемся застать там вас и Паулюса²⁵, которому просим сообщить о нашем приезде. Полной уверенности, что наш план осуществится у меня, к сожалению, еще нет, так как я не получил еще разрешения на выезд. Думаю, однако, что эта временная задержка не превратится в окончательную.

Вы понимаете, что мне было бы помимо радости дружеского свидания весьма важно переговорить с вами о ряде с новой силой интересующих меня вопросов.

В пятницу мы будем вечером у Иды Федоровны, которая по-настоящему еще ничего не знает. Она в последнее время как-то особенно мила, даже трогательна с нами. Будем, конечно, как всегда, пить за ваше здоровье и вспоминать славные дрезденские дни... Мы были сфлиртовали ей мысль поехать на автомобиле на выставку, но, несмотря на то, что она очень отошла, она до такого желания все же еще не дошла. Однако из больших приманок нам с Наташей представляется Художественный театр и, главное, постановка “Анны Карениной”, о которой мы слышали самые восторженные отзывы.

В надежде на скорое свидание шлем вам обоим наш самый горячий привет.

Искренне ваш Федор

Родная Мария, крепко, крепко Вас обнимаю и целую вас обоих. Мишеньку тоже.

Наташа

5²⁶.

Париж, 6-го августа 1937

Дорогой Густав,

обыкновенно, выпивши на брудершафт, люди продолжают еще долго соскальзывать на “Вы”. Что Ты без того, что мы выпили и поцеловались, написал мне Твое первое, такое отзывчивое письмо на “ты” меня и Наташу искренне обрадовало и тронуло. Принимаю внешне случайное “Ты” с искренней благодарностью за внутренне необходимое и отвечаю тем же. Когда увидимся – Бог даст в недалеком будущем – и выпьем, и поцелуемся.

За Твои добрые советы большое спасибо. Все вышло очень удачно. Я был принят и Рейнольдсом, и Роном²⁷. Первый был очень любезен, но не очень обнадежил меня. Скажу даже больше: было в нем что-то ускользающее и не внушающее полного доверия. Правда, он был в этот день простужен. Боялся сквозняков, держался за уши и закрывал двери. Но и помимо этого ясно, что он всюду поддержит меня, но сам ничего не начнет. Все же прошу Тебя, при случае, через кого-нибудь напомнить ему обо мне, паче чаяния это окажется нужным.

Рон человек совершенно, конечно, другой. И Наташа, и я почти что влюбились в него. Такой чистый, круглоголовый, голубоглазый ребенок, будто его только что нянюшка губкой вымыла. Выслушал все внимательно, не торопясь и не торопя. Понимает он всё и мне и моему делу вполне сочувствует. Он долго и велеречиво объяснял мне весьма сладостные для моего уха вещи, что слава цюрихского Университета основана на эмиграции 1848 года и что он уже пытался устроить в Цюрихе некоторых немецких эмигрантов-евреев, но что это ему не удалось. Мой случай ему кажется особым и, быть может, более легко разрешимым. Человек, переживший две диктатуры и смытый со своего жизненного пути двойным накатом в сущности той же волны, быть может, и призван действовать в Швейцарии в защиту христианского гуманизма и демократии²⁸. Мне показалось, что миросозерцательно мы довольно близки друг другу. Есть у него, кажется, и амбиция провести то, что ему покажется правильным. Он долго говорил о том, что настоящий деятель в наше время это диктатор в демократической раме, суждение вполне правильное. Мы расстались на том, что я изложу ему письменно основные этапы нашего разговора. Дабы Ты был в курсе дела, прилагаю Тебе копию моего письма к нему²⁹. Мне не нужно тебе говорить, до чего я был бы счастлив переселиться на свободную территорию

Швейцарии. Жить я в Дрездене пока еще могу, могу молчать и писать. Дрезден нам с Наташей очень мил. Люди к нам относятся изумительно, но все эти благополучия решительно обесмысливаются тем, что я должен молчать и, главное, за границей не смею ничего печатать без разрешения правительства³⁰. Я сейчас сажусь со страстью и даже вдохновением за завершающую книгу о России³¹. Буду писать по-русски и в свободные часы одновременно переводить на немецкий язык. Рассчитываю на английские и французские переводы, но если книжку не выпустят, с чем я должен считаться, то вся эта работа пропадет. Ну, нечего говорить. Ты сам лучше меня знаешь, что жизнь в Германии для такого человека, как я, вызывает ощущение пациента, у которого на рту лежит маска с хлороформом. Дышать трудно, предчувствуешь операцию и спрашиваешь себя по Кирке Гаардт³², что этот кризис – к смерти или к избавлению. В результате поручаем свою судьбу Тебе и очень надеемся, что Ты, зная Рона, не позволишь забыть обо мне. У меня же такое впечатление, что если он не забудет, то сделает.

Мы живем в Париже прекрасно, но безумно утомительно. Разрываемся душой и телом между Парижем и Россией. Илья Исидорович по детски счастлив нашим пребыванием. Находит, что Наташа не хозяйничает, а колдует. Она с удовольствием ходит на рынок, искренно наслаждаясь первоклассностью продуктов и дешевизною цен (все вдвое дешевле, чем в Германии). Мы с Ильей и Федотовым провели четыре редакционных заседания “Нового Града” (к Марии Михайловне нижайшая просьба распространять в Швейцарии этот, правда, хороший журнал). Видал я, к слову сказать, отколовшихся от Казем-Бека младороссов³³. Прекрасные ребята и совсем наши. Всё жду Тиллиха³⁴. Писал ему дважды, сам ходил в “Американ Экспресс”³⁵, но от него ни слуху, ни духу. Бердяев, правда, обещает, что он обязательно объявится. Выставка³⁶ по вечерам феерична, но давка на ней фантастична. Илье Исидоровичу это очень нравится как форма “саморегулирования толпы”. Но я, боясь за свою грудную клетку, предпочел бы, чтобы толпу регулировала бы полиция. Русский павильон произвел на нас по неряшливости и провинциальности показа России потрясающее впечатление. Можно поверить во вредителя. Старо-эмигрантам есть, впрочем, чему порадоваться. Среди художников ни одного нового имени. Все старые деятели мира искусства: Граба³⁷, Нестеров, Бродский, Крымов, Лебедева-Остроухова³⁸ и т.д. и т.д. Есть замечательные кустарные работы, но они копируют почему-то Беноццо-Готцоцол³⁹ и других возрожденцев. Портрет Ворошилова на коне⁴⁰ типичный портрет Государя Императора, что висели в железнодорожных павильонах на Николаевских вокзалах Петербурга и Москвы. Совершенно ужасное впечатление производят громадные фотографии вождей: какие-то увеличенные дагерротипы из архива царской охранки, прямо жуть смотреть на все это. Даже изумительные русские меха скомканы в кучу в каких-то маленьких стеклянных ящиках.

С волнением ждем Художественный театр. Мой брат⁴¹, который должен был приехать, к сожалению, не приехал. Повидаться, кажется, ни с кем не придется, грустно.

Мог бы и хотел бы еще долго беседовать с вами, но делать нечего. Вишняки, у которых мы завтракаем, уже терзают телефоны и говорят, что пригорает. Бросаю письмо и спешу.

Тебя обнимаю. Сердечный привет Марии Михайловне. Наташа целует обоих (у нее всегда поцелуйные преимущества).

Твой Федор

6⁴².

Париж, 29-го Августа 1937

Дорогой Густав,

Сегодня вечером мы отбываем в Германию. Спешу продиктовать Тебе несколько слов благодарности за хлопоты и письмо, которое получил вчера. Так как я к возможности профессуры в Цюрихе отношусь все же довольно скептически, то Твое сообщение, что ее можно было бы добиться, если бы она ничего не стоила Государству, прозвучало в моей душе как весьма положительное сведение. Мне все-таки кажется, что если полезность той моей кафедры, о которой я писал, будет признана, то внешне, быть может, как-нибудь и устроится. По приезде домой я попытаюсь поговорить с кем-нибудь из власть имущих о том, не

согласилась ли бы Германия в продолжение ну, скажем, трех лет выплачивать мне пенсию в Швейцарии с тем, чтобы я потом совсем освободил бы ее от обязательства поддерживать мою брэнную личность. План этот, конечно, фантастический, но без фантазии жизни не устроишь. Не знаю, допустима ли мысль, чтобы почин к реализации такого плана был бы сделан Цюриховской Технической Школой. На всякий случай сообщаю Тебе его. Быть может, Цюрих мог бы запросить Берлинское Министерство Народного Просвещения о том, не согласилось ли бы оно в продолжении 3-х лет (пробных лет) выплачивать мне пенсию в Швейцарии с тем, чтобы прекратить ее по истечении этого срока, если пробные лекционные годы удовлетворят Цюрих и я получу окончательное назначение.

Тиллих мне советует не возвращаться в Германию, а, отослав туда Наташу и устроив ее с мамой, ехать самому в Швейцарию устраиваться. Он думает, что личное присутствие единственно возможная база успеха. Независимо от того, что я думаю, что мне прекратили бы выплату пенсии, если бы я надолго остался за границей, я не могу это сделать сейчас и по соображениям личного характера. Вы ведь знаете отношения мамы и Наташи, а потому можете учесть, как трудно их надолго оставить с глазу на глаз, в особенности в связи с тем, что мама сейчас в ужасно тяжелом положении, а Наташа физически не очень в порядке.

Предложить Тебе какие-нибудь новые меры в защиту моих интересов я сейчас не могу. Тиллих собирается поговорить с Баумгартеном⁴³ в Базеле. Быть может, можно переговорить с Хубером Максом⁴⁴, у которого я был и который был мил со мной. Больше сейчас ничего сказать не могу.

Марью Михайловну и Тебя любим и шлем вам сердечный привет.

Моя рука уже машет платком из вагона, и сердце слегка сжимается в предчувствии границы. О Художественном Театре напишу уже из Дрездена.

Всего, всего хорошего.

Твой Федор

7.

Dresden 20-го марта 1938 г.

Дорогая Мария Михайловна,

с тех пор, как мы с Вами расстались, я много раз внутренне порывался писать Вам. Останавливали, однако, самые разнообразные мысли и чувства, о которых писать сейчас было бы и трудно, и долго. Скажу потому лишь вкратце, что мы постоянно помним вас и надемся, что и вы о нас не забываете. В этом году мои лекции у вас не удались, но я надеюсь, что осенью могу приехать. На мое октябрьское письмо профессор Рон мне ничего не ответил. Может быть, при случае Гюстав осведомится, как обстоят дела.

Мы живем хорошо и внутренне сосредоточенно жизнью. Приезжавший к нам отец Иоанн Шаховской упорно подсказывал мне мысль, что это Бог послал мне времена тишины и молчания, дабы обременить меня долгом высказать то, что мне высказать надлежит и не разбрасываться по всем направлениям в лекциях и статьях. Часто мне хочется думать, что он прав и что мне действительно надо сейчас как можно больше работать в ожидании нового периода жизни. Я затеял большую и очень сложную работу литературного порядка и очень счастлив, что живу сейчас в своем прошлом и скорее в искусстве, чем в науке. Мама живет с нами и, несмотря на то, что очень старается быть легкой и милой, очень обременяет нашу, главным образом, Наташину жизнь. Уж очень у нее закидистый и строптивый характер, несмотря на внешнюю мягкость жеста и стиля. Да и не привыкла она к безденежью. До того не привыкла, что даже сердится на нас временами, что мы с легкостью переносим в высшей степени ограниченный бюджет.

С Идой мы видаемся, когда она дома, довольно часто. Она неизменно мила, так как между нами почти совсем сгладились некогда острые разногласия. Вот уже шесть недель, как она в отъезде, очень интересно, вернется ли она такую, какую уезжала. Где мы будем летом пока совсем неизвестно. Маму оставить одну нельзя, устроить ее негде. Надежда на приезд Марги⁴⁵ на каникулы к нам; тогда мы смогли бы провести хоть месяц в деревне.

В заключение вот какая к Вам большая просьба. Наши очень хорошие знакомые отправили за границу свою 17–18-летнюю дочь для изучения языков. Это очень интересная девочка, вероятно, зайдет к вам. Будьте добры, помогите ей добрым советом и поддержите ее вашими связями и знакомствами.

Мне хотелось бы знать, как вы живете, что подделывает очаровательный Мишенька, чай, растет не по дням, а по часам. Где вы будете весной и летом? Как здоровье Гюстава и Ваше собственное? Не собираетесь ли к нам? И, главное, что вы думаете о последних событиях на родине. Мне иногда кажется, что там превзойдена последняя мера лжи и безумия, так что всему или надо быстро, чудесно спастись, или куда-то окончательно провалиться. Я живу в ожидании каких-то последних вещей и событий. Страшно жутко за своих, которые даже маме вот уже год не пишут ни слова. Меня страшно испугало имя Плетнева⁴⁶, его знала вся интеллигенция. За знакомство с ним можно расстрелять кого угодно. Третьего дня мы, к слову сказать, читали письмо из Женевы. Человек первый раз попал в ваши края и пишет совершенно восторженно о красоте, легкости, удобстве и призывности своей жизни на берегу Женевского озера против великолепного дворца. За чтением мы с Наташей с нежностью вспоминали “легкое дыхание”⁴⁷ нашей жизни в башне – тоже на берегу Женевского озера – “европейскую” сложность наших бесконечных бесед и лирическую тоску нашего американца по “святым камням Европы”⁴⁸...

Суда по письмам И.И.⁴⁹, в мире есть только одна среда, где все цветет и улучшается со дня на день – это русская эмиграция. Его последняя открытка обещает 14 томов трудов русских ученых, третий том “Русских записок”, повышение тиража “Современных”, серию сборников эмигрантских поэтов! Блажен, кто верует, тепло ему на свете!⁵⁰ Энергия, во всяком случае, громадная. “Пьеса Сирина расколола Париж, идет бой по всей линии...”⁵¹

Мы Вас и Гюстава крепко обнимаем и желаем вам обоим всех благ и всяческого процветания. Мишутку целуем тоже.

Ваш Федор

P.S. Были бы очень рады получить от вас весточку.

8⁵².

Dresden 21-го октября 1938 г.

Обязательно хоть открытку, сообщите, получили ли письмо.

Дорогие Мария Михайловна и Густав,

Большое, очень большое спасибо за ваш дружеский порыв и привет. С большим удовольствием провели бы мы снова некоторое время с вами. С тех пор как не виделись, накопилось столько существенных тем в голове и столько какого-то метафизического сиротства в душе, что было бы настоящим счастьем побеседовать с вами. К сожалению, это в данное время по независящим от нас обстоятельствам, как писалось в старой русской публицистике, невозможно. Хочется думать, что невозможность эта временная и что мы как-нибудь в не слишком далеком будущем с вами увидимся. Во всяком случае, для нас большое утешение знать, что ваш дом гостеприимно открыт для нас.

У нас стоит осень, – не такая прекрасная и прозрачная, как тогда в Селиньи, но все же “живописно краснеет, желтеет и облетает листва кленов, осин и каштанов”. Для меня осень всегда наиболее творческая пора. Эту же осень я как-то особенно радостно ежедневно сижу за письменным столом своей комнаты. Работаю над первой частью моей книги, которая представляет собою попытку в форме своеобразной автобиографии нарисовать образ нашей с Вами, Мария Михайловна, России. За первой частью воспоминаний должна последовать вторая часть раздумий и третья – чаяний⁵³. Думаю, лет на 5–6 мне работы хватит. Кроме книги написал еще несколько статей, быть может, вам попались на глаза заметка о Шаляпине⁵⁴ (писал в волнении) и статья на тему современности в 13 № Н.Г.⁵⁵ Летом мы пять недель прожили в имении у друзей, где в альбоме – Ваша и Гюстава надпись: “странный день, не поймешь, где мы, – в России или Германии, в прошлом или будущем”. Чувство земли и крови без теории там по-прежнему процветают. В разгар

больших событий мы были у друзей под Кёльном. Прекрасный дом в лесу над городом. Четыре десятины сада, большая библиотека и много хорошего искусства в доме. Главное же прекрасная Германия. Мы теперь живем, как вы, вероятно, знаете вместе с мамой. Конечно, она старенькая, большая и бедная, но все же с нею подчас трудно, так как она по всей линии разделяет чувства и точки зрения передовиц из “Возрождения”, которого не читает.

Недавно у нас в связи с печальными распрями в приходе жил три дня отец Иоанн Шаховской. За последние годы он определенно просветлел, стал очень легким в общении, хотя по лицу все еще временами проходят какие-то тени борьбы и самозащиты. Читал он у нас доклад о Толстом, быть может, все же слишком строгий к великому писателю. Строгость получилась оттого, что он нарисовал его образ на фоне церковного христианства. Мне же кажется, что к Толстому прежде всего надо подходить, как к открытой ране на большом теле “христианского” общества. Толстовство в гораздо большей степени социологическая, чем богословская тема. Статьи о богословии: читали ли вы давно вышедшую, но мною лишь недавно полученную и прочтенную книжку Флоровского⁵⁶. Очень богатая, хотя, быть может, недостаточно четко построенная и в своем последнем выводе слишком вспять обращенная книга. Но сколько блестящих характеристик, сколько остро поставленных проблем и какой минутами прекрасный, скупой и горячий, слегка архаизированный язык. Я давно не читал на русском языке такой значительной книги. Флоровский страшно вырос. Его два тома об отцах церкви⁵⁷ совсем не сравнимы с “Путями русского богословия”. Очень хотелось бы прочесть “Звенья русской культуры” Вернадского, первый том вышел, второй печатается. Но выписка книг стала как-то весьма трудна. Флоровского ждал после заказа целых четыре месяца.

В середине ноября или к концу его ждем к себе сестру Маргу и Галину Николаевну Кузнецову. 11-го ноября Марга выступает в собственном концерте в Salle de Tokio. Концерт устраивает Вера Николаевна Бунина. Бог даст, она заработает столько, что сможет оплатить проезд и жизнь здесь. Если будете писать своим или знакомым, то, быть может, вы обратите внимание на концерт. Мы думаем (а мама так уверена), что Марга свою жизнь будет строить не у нас. Мама от этой мысли впадает иногда в большую грусть.

Мы много видимся с Идой Федоровной, которая живет в очень хороших и добрых настроениях. Она взяла нам два абонемена в филармонические концерты. После концертов мы обыкновенно заезжаем куда-нибудь поужинать. Иногда к нам будут присоединяться Кюпы, которые только что вернулись из длительной поездки по Италии.

С удовольствием еще о многом написал бы вам, но думаю, что пора кончать. Еще раз большое спасибо за любовь и память. Из России ни одного звука. Как у вас?

Пришлите как-нибудь Мишенькину фотографию. Он, наверно, вырос и изменился. Не собираетесь ли вы к нам? – Вот была бы радость. Простите за неинтересное письмо, крепко вас обоих целуем и обнимаем.

Н. и Ф.

Будем очень рады, если напишите. Что делает и как живет Вышеславцев?

9⁵⁸.

Rottach-Egern am Tegernsee (Oberbayern),
Prinz-Wittgenstein-Str. 120 ½

25-IV-45.

Дорогие друзья,

до сих пор писать вам было нельзя. Тем не менее месяца три тому назад мы попытались связаться с вами. Здесь знакомый швейцарец написал вам по нашей просьбе письмо, на которое мы, к сожалению, не получили никакого ответа. Боясь, что вы не в Цюрихе, а, быть может, даже и не в Швейцарии, мы пока не пишем вам настоящего письма, а сообщаем только самое необходимое.

Слава Богу, мы живы и здоровы, если не считать Наташиной болезни сердца, которую она страдает уже много лет. Этой болезни мы обязаны нашим спасением. Уехав уже в сентябре на краткосрочный отдых сюда, в Rottach, и задержанные здесь сначала пере-

ломом моей руки, потом ухудшением Наташиного состояния, мы не пережили страшного разгрома Дрездена⁵⁹. Наша квартира набитая в последнее время русскими беженцами, сгорела дотла: 3.000 книг русских незаменимых. Спаслась только икона Казанской Божией матери, которую Наташина мать благословила меня, отправляя на войну. О дрезденских знакомых сведений мало. Нашу русскую колонию, которая в последнее время, когда даже самым неисправимым белогвардейцам стало ясно, что Гитлеру не спасти Россию, жила очень дружно жизнью, разметало по всем направлениям. Из тех людей, которых вы знали, большинство как будто бы живо. Герефорфы (?), добившиеся шведского подданства, писали из Любека, что надеются пробраться на новую родину. Скалон с семьей находится в нижней Баварии. Сатины – неизвестно где, но живы. (Сам Владимир Александрович умер год тому назад от рака.)

После разгрома Дрездена писала нам только Ида Федоровна, отказавшаяся, хотя ее дом и уцелел, у матери своей горничной в Erdgebirge. Боимся, что она, Фриц, который только что женился на молодой парижанке⁶⁰, и целый ряд других знакомых остались в русской зоне: идущие оттуда сведения все одинаково ужасны. Как хотелось бы знать, что сейчас представляет собою наша Россия. Все, что нам рассказали два года тому назад бежавшие из Украины наши родственники, лишило нас надежд на какой бы то ни было просвет. Оба моих брата, Наташин брат, жених моей племянницы и многие знакомые – все оказались сосланными в самые далекие части Сибири, куда почта ходит два раза в год, причем без малейшей вины не только в смысле поступков, но даже и в смысле бытия. Большое количество советской интеллигенции, с которой удалось познакомиться за последнее время, дорисовали мрачную картину. Среди этой интеллигенции много дельных и знающих людей, но их знания одноколейною железною дорогою пролегают по пустыне полной духовной и культурной безграмотности. Советская молодежь, деревенские и городские девушки и парни совершенно неуловимы в своей сущности. Политически они абсолютно аморфны. О том, что бабушку расстреляли и отца сослали, они говорят без малейшего удивления и жалости: что расстрел, что тиф – им все равно. О своей советской жизни они говорят с удовольствием, но эта жизнь по-видимому заключалась вся в плясках, пении, спектаклях и клубных развлечениях. Нашу дрезденскую церковь (которая уцелела) они все же каждое воскресенье наполняли до отказа. Большинство приходило в церковь точно как в клуб, но была и небольшая группа, прекрасно знавшая богослужение, часто исповедовавшаяся и отдававшая священнику за исповедь весь заработок.

В Страстную пятницу во время выноса плащаницы я видел среди пожилых советских людей изумительные лица заплаканных и просветленных глаз, которых я никогда не забуду. Мой общий вывод – что Россия стала, пожалуй, еще загадочнее, чем была.

Вы знаете, что я в 37-ом году был оставлен за русское, “практикуемое христианство” и недостаточный антисемитизм. За отставкой последовали исключение из Reichs-schriftungskammer и запрет каких бы то ни было выступлений. С 37-го года я начал писать своеобразную автобиографию. Хотелось в рассказе о своей жизни раскрыть те тысячи мельчайших причин, которые привели к революции и показать те темноты в русской жизни, которые уже с конца прошлого века грозили нам. Кажется, в работе много интересного. Особенно подробно раскрыта трагедия русского либерализма в эпоху Керенского. В главе о большевизме почти отсутствуют животные зверства, которыми современного человека не удивишь. Зато очень выдвинут вперед рассказ о духовной жизни русской интеллигенции в первые годы большевицкой революции. Большая глава посвящена культурному облику довоенной России: описаны мои провинциальные лекции от Смоленска до Коканда и от Петербурга до Кавказа. Кончается книга (рассказ доводится до моей высылки) философским эпилогом, озаглавленным “новый град”. В книге будет больше тысячи страниц формата “Современных записок”. Я надеюсь, если ничего не помешает, через полгода дописать ее. Пишу я по-русски. Первые семь глав (всего из 10) переведены на немецкий язык и находятся в Швейцарии. Моя мечта напечатать книгу по-русски. Сделать это в ближайшее время можно будет, вероятно, только в Америке. Знаете ли вы что-нибудь о тамошнем положении русского книжного рынка? Имеется ли у вас связь с Зензиновым⁶¹, Керенским, Федотовым, Сириным или Алдановым?

С материальной точки зрения важнее издать книгу на немецком языке и перевести на английский. В Швейцарию вывез мои воспоминания владелец мюнхенского Reinhardt-Verlag'a швейцарец Jungck (Basel Sommergasse 64), который очень торопится напечатать ее, рассчитывая на большой интерес Европы к Советской России⁶². Чтобы согласиться на печатание, мне нужно было бы знать, представляет ли Сталин реальную угрозу для меня и для многих людей, находящихся в Европе, об антибольшевистской деятельности которых идет у меня речь. Иной раз мне кажется, что нет, так как книга рассказывает только о пяти годах большевизма и написана в спокойно-созерцательном тоне. Был бы очень благодарен, если бы вы ответили мне на этот вопрос: отсюда многое не ясно, что вам должно быть видно.

Кроме мечты издать книгу, меня интересует возможность переезда в Швейцарию (соответствующее прошение мною подано через здешний консулат месяцев 6 тому назад). Среди людей, которые могли бы дать обо мне благоприятный отзыв, я назвал и Гюстава. Думаю, что Швейцария не впустит, если я не смогу указать, на какие средства я буду там существовать. В связи с этим возникает вопрос. Нельзя ли возобновить хлопоты о получении профессуры или хотя бы только лекторства при швейцарском университете по истории русской культуры. Мне все кажется, что Россия заняла такое главенствующее место в жизни Европы, что невозможно дальше не интересоваться ее духовным развитием. Очень хотелось бы знать, могли ли бы вы для меня что-нибудь сделать в этом направлении. О том же я пишу и профессору Lorenz'у во Фрибур⁶³. Быть может, было бы легче получить визу сначала на временный въезд в Швейцарию и на месте попытаться что-нибудь сделать, но как реализовать поездку, не получая вот уже 2 месяца даже и пенсии в размере 360 немецких марок.

Есть у [*слово не разобрано*], что мне причитается некая сумма за вышедший в Америке перевод моей книги о России. Не могли ли бы вы в этом направлении навести справки через Tillich'a, а, быть может, через: Ferdinand Sigg⁶⁴, Zürich, Badenerstr. 67–73. Этот господин купил в свое время Jeremias Gotthelf Verlag и был у меня как-то в Дрездене. Был бы очень благодарен вам, если бы вы, как старые друзья, помогли мне в этом деле. Если бы причитающаяся мне сумма была бы совсем пустяковая, то, быть может, вы могли бы купить на нее каких-нибудь съестных припасов и выслать их нам с оказией, аналогичной той, благодаря которой мы пересылаем вам это письмо. Такая посылка была бы весьма кстати, так как мы очень отощали.

Не в пример нам вы прожили, как было слышно, весьма интересные годы, побывав во многих странах и перевидав много существенных людей. Очень хотелось бы услышать от вас кое что об этой жизни и узнать, в каком свете вам рисуется будущность Европы, Германии и России. Как растет сын, как радуется? Что делают парижские друзья и знакомые? Не унесла ли еще кого-нибудь смерть? О смерти отца Сергия Булгакова в Дрездене подробно писала мать Миши Осоргина⁶⁵, которого немцы насильственно вывезли из Парижа в Дрезден, где заставили работать в военной промышленности. Мы с ним очень сдружились. В свои 23 года он был вполне зрелым, духовно значительным человеком. Отец Иоанн Шаховской⁶⁶ писал перед самым приходом американцев – из Мюнхена. Где он сейчас – не знаю. Крепко обнимаем и целуем вас.

Ваши Н. и Ф. Степун

10⁶⁷.

München, 15-го февраля 1947 г.

Дорогие друзья,

вероятно, с месяц тому назад мы получили письмо Марии от 12-го ноября с приложением литературы и чая. За все большое вам спасибо. Первое письмо и присланные с Темномировым⁶⁸ жизненные эликсиры также благополучно прибыли в наш роттаховский подвал, напоминающий каюту океанского парохода. Еще раз спасибо за память и заботу об украшении нашей жизни.

Я сейчас страшно занят, читаю 4 часа в неделю в университете (большой интерес, около трехсот слушателей), много разъезжаю по провинции по приглашению народных

университетов и церковных, главным образом католических просветительских обществ, выпускаю вслед за вторым изданием Переслегина свои воспоминания, первый том которых (всего будет три) выходит, вероятно, в апреле месяце. Все это, к сожалению, только на немецком языке, так как русских издательств в Германии еще нет, а связь с заграничным миром налаживается медленно и с большим трудом. Кроме всех этих литературных дел мы пытаемся переехать в Мюнхен, где, наконец, получили две комнаты с кухней. Устраиваться “погорельцам”, какими являемся мы, так же трудно, как попасть в царствие небесное. При такой, говоря советским языком, “нагрузке”, выпить во благовремение чашку крепкого кофе или душистого чаю не только приятно, но просто-таки жизненно необходимо.

Свою жизнью мы были бы вполне довольны, если была бы уверенность, что мы устраиваемся уже навсегда, что никакие исторические бури не погонят нас к еще неизвестным берегам. Интуитивно я спокоен, хотя разумом и сознаю, что будущее чревато еще неучитываемыми возможностями. Наташина интуиция поддерживает скорее мой разум, чем мое чувство, и это осложняет нашу жизнь. Напоминаем Гюставу, что он обещал подать нам знак, когда будут реальные причины для тревоги. После первого звонка еще можно будет унести ноги. После второго – будет уже поздно.

Насколько можно, я за всем внимательно слежу, слежу и за англо-американской прессой, наиболее важные статьи которой мне переводит мой ассистент. Тем не менее, у меня нету чувства, что, сидя в Германии, можно быть в курсе мировых решений. Очень хотелось бы потому, а в частности и для написания философски социологического заключения моих воспоминаний, которые представляют собою как бы молекулярную социологию русской революции, попасть по окончании летнего семестра – в августе, сентябре в Швейцарию. Гюстав говорил, что швейцарскую визу и американское разрешение на въезд и выезд он сможет для нас достать. Затруднение было только в деньгах, но и этот вопрос благодаря издательским комбинациям оказывается разрешимым. Мы очень просим дорогого Гюстава сделать, что можно, чтобы нам попасть недель на 6 в Швейцарию. Я знаю, что у Гюстава 1000 важных дел и ему легко забыть о его обещании, а потому и напоминаю ему о себе. Если бы у меня была уверенность, что мы на осень попадем в Швейцарию, я начал бы подготовку нашего пребывания там. Быть может, удалось бы устроить несколько докладов и чтений, если и не публичных, то по частным домам. Буду с нетерпением ждать ответа по этому насущному для нас вопросу.

Большое спасибо Марии за ее 2 обстоятельных письма. Не важно, что они не окончены, так как в обоих чувствуется то живое средоточие Марииних чувств, мыслей и решений, исходя из которого мне не трудно додумать и дописать наскоро законченные письма. Приступая к ответу, я должен, прежде всего, сказать, что чувствую себя безоружным. Мария пишет: “надо видеть представителей русской церкви – лица Николая⁶⁹, архиепископа Фотия⁷⁰, чтобы понять – каким духом они движутся”. Я их не видел, но не видел я и тех парижских профессоров Подворья, которые после смерти митрополита Евлогия добились восстановления раскола. Судить я могу обо всем произошедшем, таким образом, только издали, только принципиально, что невольно ограничивает мое доверие к самому себе и заставляет с осторожностью относиться к своим выводам.

Думаю, что мистика Марии мне много ближе, чем мистика мюнхенского митрополита Анастасия и парижских профессоров, если она действительно такова, какую Мария ее ощущает. Тем не менее, из моего ощущения мистики подлинных исповедников патриаршей церкви для меня не следует того вывода, к которому приходит Мария. Радостные слова митрополита Евлогия и его умиление по поводу возвращения эмиграции в лоно матери церкви, в юрисдикцию московского патриархата, повергли меня в глубокую печаль. Я всею душою жажду возвращения в лоно матери церкви, да я уже и чувствую себя возвращенным в него, но я страстно сопротивляюсь подчинению московскому патриарху. Мне твердо верится и ясно видится, что мистически живые и исповеднически твердые силы патриаршей церкви в России должны были бы быть сами заинтересованы в существовании самостоятельной, независимой от церковной политики советской власти эмигрантской церкви, дабы в религиозной и патриотической глубине России могла бы осу-

ществиться та полнота служения Христу и его делу, которая невозможна на территории советской России.

Я всегда отрицал эмигрантски-фарисейское самовозвеличение за счет несчастной, подсоветской России и всегда признавал наличие живой, духовной связи между эмиграцией и советской Россией, как основное условие нашего православного и политического здоровья; между эмиграцией и советской Россией, но отнюдь не коммунистической властью. Отделять советскую власть от подсоветской России механически, конечно, нельзя. Их сложного, диалектически-мистического единства я, конечно, не отрицаю; но если Россия и связана с Советской властью, то лишь так, как каждый из нас связан со своим грехом. Большевизм есть ни что иное, как грехопадение России. Не любить грешной России, к которой я сам принадлежу, я, конечно, не могу, но любить ее грехопадения я, конечно, не смею. Это сложное взаимоотношение между Россией и ее правительством отнюдь не изменилось. Положение русского народа и после победы над внешним врагом не стало легче, чем было до войны. На идеологическом фронте наблюдается возврат к интегральному марксизму. На художественном фронте идет энергичная расправа с певцами советского патриотизма, которые будто бы не уловили разницы между патриотизмом красной армии и кутузовскими поджигательствами Москвы⁷¹. Церкви, несмотря на формальное отделение от государства, очевидно становятся вполне определенные, государственно-политические задачи. Все, что говорится в оккупированной Советской зоне и в зависящих от Советов государствах отнюдь не свидетельствует о гуманизации власти. Подсоветский режим есть сплошная хитлеровщина. Как же мне при таком положении вещей не хотеть освобождения России от советской власти, от своего греха, как ежечасно не мечтать, не молиться о том, чтобы это освобождение, наконец, свершилось, чтобы открылись советские тюрьмы, в которых, между прочим, томятся и мои ни в чем не повинные братья. Я понимаю, что патриаршая церковь не может молиться о чуде освобождения России и тем не менее я уверен, что ее лучшие сыны не могут не желать, чтобы о нем молилась свободная эмигрантская церковь. Подлинная Россия состоит сейчас из двух нераздельных, но и неслиянных России – эмигрантской и подсоветской и должна потому неизбежно состоять из двух церквей – мистически церковь одна – но из двух юрисдикций, из которых каждая должна вести Россию своими путями к единой цели. Не думает ли Мария, что келейно, про себя, лучшие иерархи патриаршей церкви неустанно молятся об избавлении России от советского ига. Как же им не чувствовать утешения в том, что об этом чуде соборно молится свободная часть русского народа?

Может быть, мои выводы так отличаются от выводов и ощущений Марии, потому что мы разное понимаем отношение церкви к политике. Мария пишет, что патриаршая церковь ни на иоту не отказалась от полноты учения Христа. Это, конечно, вполне верно, в этом отношении православие оказалось на высоте, с которой быстро спустилась некоторая часть протестантов в Германии. Не умаляя значения Христова учения, я все же верую, что в Христианстве и в особенности в православии, как раз в этом отношении очень отличном от католичества, важно не столько евангельское учение Христа, сколько Он сам, мистически пребывающий в своей церкви. Я верую, что каждая эпоха должна оставить Христу свои собственные вопросы и вправе надеяться на получение от Него нужных ей ответов. Главный религиозный, а потому и церковный вопрос нашей эпохи – вопрос политический. Ныне антихрист не занимается догматической разработкой ересей, а политическим изничтожением Христовой свободы в мире. В связи с этим защита политической свободы становится центральной задачей церкви. Если церковь отступится от этой задачи, то антихрист победит. Пустогрудой секуляризованной демократии свободы не защитить.

Думая так, я ни минуты не осуждаю иерархов патриаршей церкви за то, что они согласились замалчивать преступления советской власти, ибо я твердо верю, что служить литургию и совершать таинства в условиях русской действительности в конце концов важнее, чем заниматься религиозно-политическим обличительством. Политическую немому патриаршей церкви я беспрекословно принял бы. Но ведь она не молчит, а защищает власть. Журнал московской патриархии полон славословий Сталину, который непрестанно величается не только самым славным и гениальным, но даже и самым мудрым вождем

народа. Один из архиепископов, цитируя сталинские слова о русском народе⁷², превозносит и советскую Россию как святую Русь. Православный мирянин Янов, слагая пирамиду русской славы, увенчивает ее “великим из великих, гениальным вождем человечества Лениным”, Лениным, который писал Горькому, что боженка давно помер и протух, и что всякая вера в него и любовь к нему отвратительна, как всякое труположество!

Может быть, мы и этого не имеем права осуждать (уж очень непостижима для нас, при всей внешней осведомленности, последняя сущность советской жизни), но присоединяться к юрисдикции, требующей восхваления Сталина и Ленина, как гениальных вождей человечества, мы, живущие на свободе, не смеем: что простительно на территории России, то недопустимо в эмиграции. Думать же, как очевидно думает Мария, что единство русской православной церкви должно иметь своим внешним обозначением единую юрисдикцию, нет никакого основания. Думать так, значит, как мне кажется, впадать в ту же ошибку, в которую, по мнению Киреевского, накануне разделения церквей впадо католичество, не смогшее себе представить, что единство Церкви может быть представлено двумя епископами.

Поведение и аргументация парижских иерархов и профессоров в том виде, как о них пишет Мария, мне совершенно непонятны. В них, как даже и в статье Карташова⁷³, дошедшей до меня, больше запальчивой, политической страстности, чем скорбной религиозной глубины. Мне кажется, что беседа с архиепископом Фотием могла и должна была бы протекать в совершенно иных тонах, чем она, очевидно, протекала. Мне кажется, что можно и нужно было бы предложить помощь литературой, регулярным осведомлением о церковной жизни христианского запада и вполне аполитическое сотрудничество в изданиях московского патриаршества. Можно было бы пойти и дальше: согласиться на открытие миссионерских курсов при парижском подворье, ибо кто не может сомневаться, что для молодого православного священника, вооруженного нужным знанием и решимостью на все, не может быть более высокой задачи, как распространение православия среди советской молодежи. Говоря это, я, правда, думаю, вся эта, искомая Москвою помощь была бы, при несогласии формально подчиниться Москве, тем же архиепископом Фотием безоговорочно отвергнута, что и было бы доказательством, что патриарший престол зовет не в лоно материнской Церкви, а в кабалу сталинской власти. Повторяю в заключение то, с чего начал: мистическая составляющая православной Церкви осуществима сейчас (поскольку она вообще осуществима) не на путях подчинения эмигрантских митрополий патриарху Алексию⁷⁴, а исключительно на путях свободного, братского сотрудничества и молитвенного общения между иерархами и мирянами обеих юрисдикций.

Вот то, как мне кажется, существенно правильное разрешение вопроса, которое у меня уже давно сложилось. Мне будет очень интересно и важно узнать, что вы оба о нем думаете. В мюнхенской церковной среде я пока еще не акклиматизировался. Чаще всего бываю у отца Александра Киселева⁷⁵. Чувствую себя везде довольно одиноким. Когда переедем в Мюнхен, проверю свои впечатления...

От Тиллиха мы имели недавно очередное “послание” и небольшое личное письмо. Личное письмо тронуло нас сердечностью, милым, старым звуком (помните, как он в Seligny⁷⁶ завидовал нам, что мы остаемся в Европе). Послание же к европейским друзьям очень разочаровало – какое-то унижение паче гордости: ничего-де не знаю, ничего-де не могу сказать, вам виднее. Через три года начну писать богословскую систему по требованию американских студентов, а пока что, простите, дешево, по случаю купил себе домик, так как скоро по годам выхожу в отставку. Дети – американцы; о возвращении ни полслова. Чем дольше я присматриваюсь к Германии, тем непонятнее становится мне национальное чувство немцев. С одной стороны – страшный национализм, а с другой – уж очень легкое забвение своей родины. В свое время Пауль присылал нам “нарочных” с целыми программами освобождения Германии. Вот Германия свободна, наступил как будто бы его час – только и разговору, что о христианстве и социализме. Совершенно замечательная молодежь, по своей духовной глубине и зоркости совершенно не сравнимая с той, с которой я встретился в 1926-м году, страстно жаждет живого и ответственного, горячего и трезвого слова. Людей мало, каждый значительный человек на счету, – а Тиллих

не едет! Я лично с величайшей радостью завтра же поехал бы в свободную Россию, если бы в ней была бы возможность того дела, которое я сейчас делаю в Германии. Обо всем этом я Paulus'у еще не писал. Как-нибудь напишу. Вы же ему пока о нашем разочаровании ничего не пишете.

Мария спрашивает об Иде⁷⁷. Мы ее уже давно не видали. В последний раз обедали с ней в день ее рождения 29-го ноября в "Baugrischer Hof". Она очень жаловалась на невозможность совместной жизни с ее дочерью Изой. Любви между ними много, но понимания – никакого. Сейчас она в ожидании собственной квартиры живет в пансионе в Töbzl'e, откуда ей скоро придется выехать. В последнее время у нее неудачи: пролетела квартира, сломалась рука, а Фриц вернулся в Дрезден, вернулся он в больших сомнениях и в страхе, исключительно из-за чувства ответственности перед отцовским делом и его наследниками. Как сложится там его жизнь – покажет будущее. У нас от него сведений нету. Писать Иде лучше всего по постоянному адресу дочери: Frau Dr. Isa Seidel. München 8 Hohenschauerstr. 24.

Ида, конечно, очень постарела, похудела накренилась, но по-старому часто оживлена, избегает печальных разговоров, не терпит воспоминаний о приволье прошлой жизни и, научившись кое-что понимать в деньгах, все еще притворяется, что ничего не понимает в годах. Она много и страстно ест и горячо благодарит за всякое внимание. Ее очень жалко, хотя ее жизнь, если не думать о ее полном одиночестве, много лучше жизни большинства наших дрезденских знакомых.

Дорогая Мария, письмо адресованное вам обоим, я писал в третьем лице отчасти и потому, что наше "ты" с Гюставом такое простое и легкое в Мюнхене, нами как-то еще не освоилось по отношению к тебе. Дружески предлагаем освоить его и впредь писать на "ты". Нам это и легко, и естественно. Если мы сейчас отчего-либо страдаем, то исключительно от распада и рассеяния старых связей, старых друзей, в особенности русских, так как мы отрезаны как от парижской, так и от американской России, т.е. от Москвы.

Наташа очень благодарит за готовность обуть и имеет соответствующую мерку. Крепко обнимаем и целуем вас обоих.

Федор

P.S. Если можно будет выслать какую-нибудь русскую книгу, буду страшно благодарен.

11⁷⁸.

24-X-49

Дорогие друзья Мария и Густав,

Большое спасибо вам за желание повидаться с нами и за повторное предложение провести у вас две последние октябрьские недели. Нам очень мечталось осуществить этот соблазнительный план, но осуществить его было никак невозможно. И Марга с Галиной Николаевной, и наши друзья Минченко живут накануне отъезда в Америку. Когда они уедут в точности неизвестно, но известно то, что это может случиться почти что каждую минуту. При таких условиях нам ехать невозможно, не по сердцу. Кроме этой причины есть и другая: мое воспаление вен стало, как говорится, в копеечку. Докторские счета ждут оплаты. Добыть деньги я могу только "отхожим промыслом", т.е. иногородними лекциями. Летом лекции не устраиваются, с первого Ноября начинается семестр, во время которого ездить трудно, так что не оставалось, как назначить лекции на вторую половину Октября. К тому же и душа сейчас перед семестром занята лекциями, да еще корректурами третьей части Воспоминаний, которые должны выйти к Пасхе. Будем надеяться, что удасться свидеться, если вы к этому времени будете в Женеве, по окончании семестра, весной.

Живем мы тут преступно хорошо. Уже недель шесть, как стоит совершенно замечательная осень. В восемь часов утра я уезжаю с Ханзером⁷⁹ в автомобиле на верховую езду. В залитой солнцем комнате уже сервирован кофе. Отпив, иду заниматься в кабинет. В это время начинаются звонки. Наташа не пускает посетителей. Сейчас я пишу, конечно, опаздывая, книжку о России, вариант той, что уже давно вышла в Швейцарии. Читали ли Вы большой этюд И.А. Ильина: Сущность и Особенности русской культуры (по-немецки)?⁸⁰

Странная вещь. Какое-то не совсем русское прославление России. Все как-то верно и все-таки получается какой-то мистический сироп, с назиданием иностранцам⁸¹. При чтении мне вспоминалась строчка Вильг. Буша: “Учитель Лемпель так судил и часто детям говорил”. В предисловии заявлено, что о недостатках России он будет говорить только на ухо русским людям, немцам же надо говорить только о ее положительных сторонах. Моя тенденция как раз обратная. Не то, чтобы я в своей книге⁸² считал правильным говорить только о темной России, но я думаю, что необходимо исходить из нее и объяснить ее с наиболее выгодной стороны. Мне хочется попытаться показать, что теневые стороны современной России связаны с каким-то источником света в ней. Книга меня очень занимает. Надеюсь, что она выйдет вместе с третьим томом Воспоминаний.

Моя русская деятельность осуждена здесь, кажется, на умирание. Мюнхен разрезается со все ускоряющейся быстротой. О. Александр Киселев уже давно в Америке. Два наших других священника тоже на отлете. Думаю, что издание Студенческого Вестника в Мюнхене прекратится. Я еще два раза в месяц читаю русские лекции. Слушателей не уменьшается, но нет постоянной аудитории, так что можно лишь радовать людей, занимать, но уже нельзя с ними работать и нельзя их оформлять. Пройдет полгода – и это прекратится.

Приезжавший к нам Вл[адыка] Иоанн Шаховской без внешнего насилия, но все-таки с упорным нажимом, советовал нам уезжать из Европы. В том же духе пишет о. Александр из Нью-Йорка. Положение здесь и впрямь становится все менее уютным и спокойным. Советы борются за коммунистическую Германию с невероятной последовательностью и упорством. Лозунги у них, как всегда, весьма соблазнительные: мир и единая Германия. Быстрота действия поразительна. В противоположном же лагере нет ни единства, ни темпа, хотя, по-моему, есть и мысли, и воля. Франция три месяца без правительства. Англия продолжает демонстражи, что экономически с ее точки зрения, быть может, и оправдано, но что политически верх безумия. И даже Америка, словно под диктовку Москвы, вдруг заявляет, что протест немецких церквей против методов дознания в политических процессах есть лишь часть нацистского заговора против американской демократии. Все это, на глазах большевиков, совершенное безумие. Иногда, даже и в залитой светом комнате, даже и после верховой езды, на меня находит отчаяние. Под влиянием всех этих мыслей, подсказываний и настроений, мы все же решили предпринять некоторые шаги для выезда в Америку. С вопросом, можно ли мне выехать, я заехал как-то к Шауфус, которая сразу же загорелась каким-то профессиональным интересом к моей личности и нашему выезду. Выказав надежду, что война начнется уже через год-полтора, она твердо заявила, что нам надо уезжать. Узнав, что я немецкий подданный и считаю для себя невозможным перечисление в рабье сословие Ди-Пи⁸³, она на минуту впала в уныние, но, познакомившись с моей биографией, решила, что меня можно подвести под закон о пострадавших от Хитлеровского режима. В этом смысле она переговорила с мисс Биланд, которая и вызвала меня к себе. Она была не слишком многословна, но все же внимательна и любезна. Посмотрев соответствующий параграф, она усомнилась, можно ли меня считать за жертву национал-социализма, так как я не сидел в концлагере и не претерпел никакого физического насилия. Тем не менее она мне не отказала, а решила написать в какую-то высшую инстанцию и попросить как бы санкции на предмет причисления меня к “жертвам”. Одно время она было думала, что самым лучшим было бы, если бы я написал Густаву, но потом решила пойти каким-то иным путем. Так мы и сидим и ждем у моря погоды.

Все мое несчастье в том, что мое сердце как-то не очень тревожится о нашей судьбе. Всё кажется, что настоящей войны не будет, а что дело будет развиваться на путях внутренней инфильтрации Германский советским элементом и упорной борьбы против Америки во всевозможных международных институтах. При таком развитии было бы достаточно пока что постараться переехать в Швейцарию, что для меня было бы, конечно, гораздо удобнее. Я мог бы легко удержать связь с Германией, читать наездами лекции во всевозможных городах и тем добывать себе на прожитие.

Пишу я вам обо всем этом не для того, чтобы вы помогли нам решить, куда идти и что делать. Я знаю, что за кого бы то ни было принимать решение в важных вопросах жизни и

трудно, и ответственно, но если вы сами, которым все же виднее положение мира захотели бы посоветовать, то мы были бы, конечно, весьма благодарны. Иной раз я боюсь, что мы все еще держимся за Германию, потому что нам здесь хорошо и интересно жить, держимся за Европу, потому что она постепенно открывается нам. Парижане уже дважды приезжали в Мюнхен. Мог бы и я с Наташей по приглашению парижского богословского института, быть может, проехать в Париж. Леонтович⁸⁴ уже был в Италии. Целый ряд немецких профессоров все время путешествует. Очень гостеприимно приглашает Швеция. Все это страшно заманчиво, все это дает чувство какого-то продолжающегося цветения жизни и потому так не хочется немым существом сесть в квартире непонятного тебе американца и оттуда устрешенно выползть с протянутой ручкой: дайте хлебушка, примите статейку!

Получает ли Мария наш Вестник⁸⁵ и что она думает о нем? Конечно, уровень можно было бы легко поднять, но тогда он стал бы непонятен советскому молодняку, для которого мы здесь главным образом пишем. В выходящем через месяц номере будет помещен мой диалог с очень влиятельным католиком⁸⁶, который дважды передавался по радио. Для нашей синодальной церкви этот номер со вступительной статьей вл[адыки] Иоанна⁸⁷, которого здесь, к слову сказать, страшно поносили в литографированном юмористическом журнале, носящем характерное заглавие “Кузькина мать”, и с моим диалогом, будет совершенно неприемлем [слово читается предположительно]; хотя о. Аверкий, как представитель митр. Анастасия, всегда присутствует на моих лекциях и очень благоволил к нам, наши отношения все же не налаживаются.

Удалось ли Густаву, а, может быть, и Марии, заглянуть во второй том моих Воспоминаний? Я ряд экземпляров выслал в Америку, но никто еще не отозвался. Пока кончаю. Буду рад, если пришлете несколько слов. Я коротко как-то писать не умею. Наташа и я шлем вам самые наши сердечные приветы и повторную благодарность.

Ваш Федор Ст.

12⁸⁸.

1 декабря 1950 г.

Милый друг Мария,

Большое спасибо за краткое письмо. Вспоминая, как ты целыми утрами писала в Женеве письма, никак не могу жаловаться на твою краткость. Мое личное несчастье, что я как-то кратких писем писать не умею. Печальный результат этого неумения то, что со многими близкими людьми у меня замерла переписка.

Что мы делаем? Живем, живем интересно, успешно и напряженно. Сентябрь провели с Наташей в горах. Я много гулял, много думал, подготавливал большой реферат для Социологического конгресса по социологии эмиграции и беженства. После этого я отбыл в “отхожий промысел” и в двадцать дней прочел по разным городам и всяем Германии девятнадцать докладов, из них пятнадцать на русские темы. Поездка дала много для изучения Германии и ее отношения к России. Вернувшись, начал читать свой университетский курс на тему о духовном взаимоотношении России и Германии в 19-м веке. Между первой и второй лекциями мы с Наташей на четыре дня слетали в Швейцарию, где я читал в Цюрихе по приглашению студентов и в Базеле в Русско-Швейцарском обществе. В Цюрихе я читал о русской литературе 19-го века⁸⁹: группа Горького, символисты, футуристы, “Бродячая собака”, отражение октября в русском искусстве и историю советской литературы, начиная с Серапионовых братьев и кончая современной. Слушали очень хорошо. В Мюнхене к сорокалетию со дня смерти Толстого я прочел большой и даже торжественный доклад о жизненной трагедии великого писателя земли Русской. Торжественность заключалась в том, что мой доклад перемежался с музыкой, иллюстрировавшей отдельные фазы толстовской жизни: были исполнены – “Думка” Чайковского, три выставочных картины Мусоргского и в заключение “Траурный марш” Бетховена, который любил играть сам Толстой. Когда я читал, я вспоминал Остоженку, Хамовники, дом Толстых и две мои беглых встречи с ним, вспоминал любовь Наташиного отца к Ясной поляне, куда он ездил снимать Толстого. Ты знаешь это состояние: “душа сжимается лирическим волнением”⁹⁰. От этого волнения говорится, если не переволнуешься,

лучше обыкновенного. Кажется, я и говорил довольно удачно. После окончания вечера в зале ощущался настоящий захват.

Сейчас я очень занят подготовкою окончательного русского текста моих воспоминаний. Надеюсь, что ИМКА их напечатает⁹¹, если мир останется в том относительном спокойствии, в котором был до сих пор. Боюсь, однако, что мы переживаем начало конца нашей покойной жизни. Хожу по своей уютной комнате, смотрю на книги, портреты и невольно вижу покинутость всей этой творческой тишины. Ты пишешь, что тебе все еще не верится в войну. Мне до сих пор тоже не верилось, но что-то постепенно меняется в душе. На самом деле, что делать Западу? Увести американские войска из Кореи и сдать на милость победителя? Это такой окончательный урон всякого престижа, на который Объединенные нации пойти не могут. Итак, американцам надо продолжать корейскую войну, превратившуюся в войну против Китая. Это потребует такое напряжение сил на Востоке, что Советам будет не слишком трудно захватить Германию. Вся моя надежда только на то, что они не соблазняются этим планом. Зачем на самом деле рисковать наметившейся победою холодно-партизанской войны в то время, как победа в тотальной атомной, по меньшей мере, спорна, а, скорее всего, даже и мало вероятна. Но и это соображение подкашивается мыслью, что Советы не верят в миролюбие американцев. Все эти соображения приводят к решению смыться.

Судьба как будто бы и сама наметила нам такой путь. В начале октября я познакомился с комиссаром (американским) Баварии, профессором Шустером⁹². Он встретил меня весьма дружелюбно и через несколько недель после нашего разговора прислал ко мне свою секретаршу, которая спросила меня, что бы Шустер мог сделать для моего благополучия. Я ответил: организовать в случае необходимости наш отъезд в Америку. С тех пор Шустером было сделано несколько попыток устроить меня в Америке, как научного работника. Пока, однако, все не пошло дальше обещаний и возможностей. Думаю, что я на днях пойду к нему с вопросом: нельзя ли мне устроить переезд на свой счет в ускоренном порядке. Имея американский паспорт в кармане и нужные для оплаты проезда деньги, можно, быть может, и подождать переезжать. У меня тут четыре докторанта, которых мне не хотелось бы бросать на произвол судьбы. Но, конечно, и рисковать головой ради учеников бессмысленно.

Недавно был у нас Мельгунов⁹³, был и Карпович⁹⁴. И с тем, и с другим мы беседовали, как со старыми знакомыми, не без приятности, но и только.

Ты спрашиваешь о настроении в Германии. Ответить на этот вопрос очень трудно. Мне кажется, что я не ошибусь, если выдвину на первое место нежелание воевать. Это нежелание, этот деплясированный⁹⁵ пасифизм очень сложен по своей структуре: националисты и национал-социалисты не хотят воевать под знаменами американской демократии. Если бы им восстановили суверенное немецкое государство, собственный генеральный штаб, то и они, вероятно, охотно пошли бы защищать родину и уничтожить насильнически заведенную в ней демократию. Социал-демократы и профсоюзы не хотят воевать, потому что война грозит ослаблением тех социальных и частично социалистических реформ, за которые они сейчас борются; крупные промышленники втайне мечтают получить через Советы заказ на индустриализацию Китая и втайне верят, что там, где вертятся деньги, сгущается и перестает литься кровь; обыватели трясутся за потерю только что заново оборудованных квартир. Наиболее воинственно и ответственно настроены, с моей точки зрения, католические круги и те пролетарские массы, которые явились из советского плена. Все это я говорю без абсолютной уверенности, что я прав, но такой уверенности при замученности немецких душ и типично немецкой сложности внутривнутриполитического положения ни у кого быть не может. Очень сложен вопрос о силе коммунистических настроений. На выборах коммунисты провалились. Они не получили, например, в Баварии ни одного парламентского места, но я в эту неудачу не очень верю; быть может, это даже расчет. Коммунистам гораздо важнее иметь большие запасы в подвалах, чем выставлять их в витринах.

Американцы ведут тут среди новой эмиграции какую-то очень сложную политическую игру, организуют какой-то политический центр, в который входят мельгуновцы, со-

чувствующие лиги Керенского, солидаристы⁹⁶ и левые власовцы; монархисты и правые власовцы отвергнуты. Хорватский⁹⁷ университет прислал сюда 18 молодых социологов, которые почти все говорят по-русски. Некоторые из них были в Советском Союзе. Председатель университетской группы – автор, говорят, дельной работы о психологии советского человека⁹⁸. Эти хорватские социологи организовали здесь “русский исследовательский институт”, к работе в котором меня не привлекают. Всем делом заправляет некто Яковлев⁹⁹, фаворит Николаевского¹⁰⁰. При Русском исследовательском институте собираются издавать журнал научный. Кроме того, собираются издавать и литературный журнал. Вокруг всего этого начинания струится какой-то денежный Гольфштром¹⁰¹. Американские социологи расспрашивают ДИ-ПИ¹⁰² о положении в России. За консультацию платят 20 марок. Наши рассказывают, кое-кто “заливает”, чтобы получить вторые 20 марок. Устроили американцы и библиотеку, за что я им очень благодарен. Основная политическая линия всего начинания мне не совсем ясна, так как я приезжих американцев почти что не вижу. Думаю, однако, что они видят будущую Россию в очень чуждых и тебе, и мне тонах. Иной раз мне кажется, что установка орудующих здесь американцев очень антисталинская, то есть антифашистская, но все же какая-то интернационалистически-троцкистская. Это не мое впечатление, но таковы доходящие до меня сведения. Собираюсь во всем этом разобраться получше. Тебя же серьезно прошу обо всем этом пока не распространяться, так как Институт по исследованию Советской России при Хорватском университете одна из моих надежд.

Ну, кончаю. Наташа и я тебя сердечно обнимаем.

Да, забыл сказать, что в конце января мы, вероятно, снова будем в Швейцарии. Я читаю в Базеле.

Еще раз всего хорошего. Как хотелось бы, чтобы в последнюю минуту мир отказался от безумия. Не могу думать об атомных бомбах над Россией.

Твой Федор

13¹⁰³.

14–8–52

Дорогие друзья Мария и Густав,

мы очень виноваты перед вами, что так долго не писали вам (просительное письмо к Густаву, конечно не в счет, так как о нас в нем ничего не было; за печальный отказ, то есть, вернее, за ответ с извещением об отказе, большое спасибо). Не писал я просто потому, что, проведя каникулы в Швейцарии, я оказался загружен невероятным количеством работы. Ну и потом люди, которые идут вожжей¹⁰⁴ и которые оставляют просьбы, то есть рукописи, которые надо устраивать или, по крайней мере, просматривать. Обо всем этом я рассказывал и повторяться не стоит.

Из интересных посетителей были у меня некоторые американцы. Редактор Times и его немецкий корреспондент, с которым я недавно очень интересно разговаривал во Франкфурте, обедал у него. За последнее время видел я опять-таки несколько очень влиятельных американцев. Нашего нового американского “генерал-губернатора” проф. Шустера и исключительно осведомленного человека, знающего и понимающего историю русской революции чуть ли не лучше Николаевского и еще кое-кого. Был я совсем недавно на докладе мистера Emmer’a¹⁰⁵ на тему о недоразумениях между немцами и американцами, участвовал в прениях и сидел весь вечер с американцами и немцами в ресторане, где продолжалась оживленная беседа “заполночь” на все современные политические темы. Сообщаю все это в качестве предисловия к ответу на вопрос Марии, каковы настроения в Германии. Самое главное, что вместе с американцами, или, вернее, за ними идет только политически зрелая, правительством и крупными партиями представленная Германия; обыватель же, безразлично капиталист ли он, мелкий ли буржуа, или рабочий, находится в весьма иных настроениях. Эти обывательские настроения защищали, однако, в разговоре с американцами и некоторые довольно известные публицисты.

Должен сознаться, хотя знаю, что Мария будет, вероятно, против меня, что я все больше чувствую, что в американцах, по крайней мере, в тех, с которыми в последнее время

встречался, есть очень мне родная стихия, которую покойный Илюша¹⁰⁶ называл интеллигентским “орденским сознанием”. В них есть какая-то субстанциальность, какое-то реальное ощущение воздуха свободы и какая-то готовность борьбы за этот воздух. Я думаю, что в их борьбе против большевизма главную роль играет все-таки не политическая корысть, а ощущение своей исторической призванности исповедовать и защищать свободную сущность человека. Я понимаю, конечно, что свободолюбие и корысть не отделимы в них друг от друга, но я против этого слияния не протестую. Если бы американское свободолюбие не было связано с их жизненным практицизмом, то оно очень скоро превратилось бы в идеалистический ладан над тем царством зла, которое большевизм пытается уготовить миру.

В немцах, раздавленных и, главное, дезориентированных гитлеровщиной и средневековым нюрнбергским процессом американцев, никакого орденско-рыцарского служения правде и свободе не чувствуется. Политически сознательная Германия идет с Западом, потому что рационально считает, что лишь этот путь может ее спасти. Обывательщина же живет страхом войны и желанием любой ценой, хотя бы и игрою в поддавки большевикам, сохранить свои вчера только заново отделанные дома и предприятия.

14¹⁰⁷.

20 февраля 45 г.¹⁰⁸

Дорогая Мария,

пожалуйста, не сетуй на нас, что мы на два письма, несмотря на Твою просьбу быстрого ответа, откликаемся с таким опозданием. Объясняется это только тем, что вопрос о нашем приезде в Англию очень для нас сложный вопрос. На первом месте стоит забота о Наташином здоровье и докторское требование как можно более тихой и регулярной жизни, с обязательным, по крайней мере 2-х часовым послеобеденным отдыхом в постели и ранним отходом на сон грядущий. Получив Твое письмо, мы советовались с доктором, у которого Наташа была в санатории в продолжении двух с лишком недель, и он считал бы более правильным, если бы мы не ездили в новую страну с ее волнующей обстановкой, обилием впечатлений, с постоянными разговорами и т.д. Конечно, он не запретил ехать, но все же сказал, что было бы правильно, если бы мы перед отъездом приехали посоветоваться с ним. (Санатория находится в 60 км от Мюнхена.) Вторая проблема была проблема моей работы. Я должен срочно закончить книгу русских портретов (философов и писателей – от Соловьева до Есенина)¹⁰⁹ и ради этой работы решил в этот семестр не читать в университете. Поездка в Англию требовала, конечно, подготовки и стоила бы поэтому довольно много времени. Наконец, не лишен значения и денежный пункт, т.к. билет в Лондон стоит больших денег. Я все поджидал ответа от Чеховского издательства, где уже давно лежит оригинал моей автобиографии¹¹⁰. Если бы ответ был положительным, денежный вопрос не играл бы роли. Но, к сожалению, дело не налаживается. Третьего дня получил письмо от Марги, что в ближайшем году американских денег хватит только на 9 книг, а потому мне предлагают контракт только на сокращенное издательство¹¹¹ в размере 450 страниц. Это значит, что я могу выпустить или I том под заглавием “Затонувшая Россия” или II “Февраль и Октябрь”. Мне такое куцее издание не улыбается, т.к. все три тома представляют целостное единство. Попытаюсь предложить выпуск I-го тома без гонорара, но будет ли эта жертва иметь желанное действие – мне еще не ясно.

Из всего этого взятого вместе мы с Наташей пришли к выводу: от всяких публичных лекций и выступлений во всяком случае отказаться. Вопрос же о приезде к Вам в гости и прочтения доклада в Твоем пушкинском доме оставить открытым. Если Наташа будет чувствовать себя вполне хорошо и если моя работа пойдет успешнее, чем я ожидаю, то недели на две в мае приедем. Если же Наташино здоровье будет требовать тишины и медицинского надзора, то еще раз сердечно поблагодарив за любовь и память – откажемся.

Сейчас Наташа чувствует себя очень усталой, т.к. в связи с моим семидесятилетием¹¹² было много хлопот, работы и забот. Уже за неделю постоянно приходили какие-то интервьюеры. Все интересовались, прежде всего, моим политическим прошлым, описанным

мною во II томе автобиографии и моими взглядами на будущее России и Европы в связи с берлинской конференцией. Газетчики народ опасный и ради красного словца не пожалеют никого. Наташа была очень озабочена, как бы они не написали лишних вещей, что неприятно отозвалось на ее сердце. Вчера, в самый день рождения, у нас было около 50 человек. Больше 30-ти ужинало. Так как мы никого не приглашали, то было трудно решить, сколько заготавливать яств и питания. Наташа все боялась, что будет мало. И хотя ели крепко, осталось еще очень много всяких съестных радостей.

Не знаю, как буду справляться с корреспонденцией, т.к. получил около 40 телеграмм и больше 100, частично и очень длинных и очень интересных писем. Идут, конечно, и отдельные чествования-ужины в моих издательствах, у частных знакомых и в дружественной мне части русской колонии. Все это снова нарушило доброе состояние Наташиного здоровья, и я твердо решил жить так, чтобы не осложнять ее сердечной болезнью.

Ну, кончаю, Мария. Еще раз Тебя и Густава сердечно благодарим и шлем Вам самые наилучшие пожелания.

Твой Федор

Комментарии

¹ Письмо рукописное. Семья Кульманов жила в этот момент то в Женеве, то в Лондоне.

² О Г. Кульмане см. вступительную статью.

³ Фондаминский Илья Исидорович (Фундаминский) (литературный псевдоним – Бунаков) (1880–1942). Эмигрировал во Францию в 1919 г. Историк, публицист, редактор. Редактор журнала “Современные записки”. Один из организаторов “Лиги православной культуры” (1930). Вместе с Ф.А. Степуном, Г.П. Федотовым издавал журнал “Новый град”. Перед приходом в Париж фашистов отказался покинуть Францию и погиб в немецком концлагере 19 ноября, приняв крещение незадолго до смерти. Канонизирован Константинопольским Патриархатом в 2004 г. и причислен к лику святых.

⁴ Мария Михайловна Кульман (урожденная Зернова; 1901–1965) – сестра Н.М. Зернова, активная участница РСХД, в 1929 г. вышла замуж за юриста Густава Густавовича Кульмана (1894–1961). Сначала они поселились в Дрездене, очевидно, именно здесь они познакомились и подружились со Степуном. В 1931 г. Кульман получил пост секретаря Лиги Наций, и супруги обосновались в Женеве.

⁵ Речь идет о впоследствии знаменитом журнале “Новый град”. “Новый град” – журнал русской христианской интеллигенции, обосновавшейся в эмиграции в Париже. Он выходил в 1931–1939 гг., всего вышло 14 номеров, которые сначала издавались ежеквартально (1932), затем – раз в полгода (1933–1934), и с 1935 г. выходили по номеру в год. Издатели журнала – Елизавета Скобцева (мать Мария), Федор Степун, Илья Бунаков-Фондаминский и Георгий Федотов.

⁶ Ильин Владимир Николаевич (16[29].08.1891–23.10.1974), богослов, философ. Окончил Киевский университет по физико-математическому, историко-филологическому и философскому факультетам; закончил Киевскую консерваторию по классу композиции. В 1918–19 – приват-доцент Киевского университета. В 1919 эмигрировал сначала в Константинополь, затем переехал в Берлин, где в университете совершенствовался по богословию. Участник Религиозно-философской академии (1922–40). В годы Второй мировой войны недолго жил в Германии. С 1949 профессор Русской консерватории в Париже. Был связан с евразийцами, им предложена идея номогенеза, устанавливающая взаимодействие духа и материи на основе закономерностей, предустановленных Божественной волей. В России вышла только одна его книга: Эссе о русской культуре. СПб., 1997.

⁷ Руднев Вадим Викторович (5.01.1879, Острогжск Воронежской губ. – 19.11.1940, По, Франция). Из дворян, сын чиновника. Окончил Воронежскую гимназию (1897), учился на медицинском факультете Московского университета, исключен в 1901. В 1905 лидер московских эсеров, участник декабрьского восстания в Москве. Высылался в Иркутскую губернию, в Туруханский край. Выехал за границу, учился в Базеле. В 1914 вернулся в Россию, оборонец, работал врачом. В 1917 председатель Московского комитета Партии социалистов-революционеров (ПСР). С июля городской голова. В 1918 входил в Союз возрождения России. В 1919 эмигрировал. Редактор “Современных записок”.

⁸ Антон Владимирович Карташёв (1875–1960) – последний обер-прокурор Священного синода; министр исповеданий Временного правительства, теолог, историк русской церкви. Как последний обер-прокурор подготовил самоликвидацию института обер-прокуратуры и передачу пол-

ноты церковной власти Поместному собору Православной российской церкви 1917–1918 гг. В 1919 г. эмигрировал через Эстонию. Занимал должность председателя Русского национально-го комитета в Париже, член епархиальных собраний и епархиального совета Русского экзархата Вселенского престола, участник съездов Русского студенческого христианского движения (РСХД). Преподавал русскую историю на историко-филологическом факультете русского отделения Парижского университета. Был одним из основателей и профессором Свято-Сергиевского богословского института в Париже (1925–1960).

⁹ Марк Вениаминович Вишняк (наст. имя – Мордух Веньяминович, пс. *Марков*, 1883, Москва – 1976, Нью-Йорк) – российский юрист, журналист, эсер, деятель культуры русского зарубежья. Постоянный оппонент Степуна. Автор известных мемуаров *Вишняк М.В. Дань прошлому*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

¹⁰ Возможно, имеется в виду Гурвич (Gurvitch) Георгий Давыдович (1894–1965) – французский и российский социолог и философ. Учился в разных учебных заведениях России и Западной Европы. Изучал философию, социологию, право. В 1917–1918 преподавал в Петроградском университете. В 1918 назначен профессором Томского университета. В 1920 эмигрировал. В 1921–1925 читал лекции в Пражском университете. Работал в Германии. Затем переехал во Францию, где работал в университетах Бордо (1929–1935) и Страсбурга. В 1928 принял французское гражданство. В России опубликовал только одну небольшую работу, посвященную исследованию творчества Феофана Прокоповича (1915), в Праге – работу “Фихтевская система конкретной этики” (1924). Основные работы Гурвича опубликованы на французском (хотя он опубликовал во Франции и несколько статей на русском).

¹¹ “Европеец” – “журнал наук и словесности”, издававшийся И.В. Киреевским в Москве в 1832 г. В журнале приняли участие представители аристократической группы писателей: Жуковский, Баратынский, Языков, Хомяков и др., часть которых вместе с издателем входила в “Общество любителей” в 1823–1825 гг. Основные статьи журнала принадлежали издателю. Журнал был запрещен после первых двух номеров (третий сохранился лишь в типографском экземпляре). В основных статьях “Европейца” сказалась отчасти протославянофильская программа. Но эта позиция была еще не ясна. Не случайна острота Герцена, что первый славянофильский журнал назвал себя “Европеец”, а первый западнический – “Отечественные записки”.

¹² Речь идет об Альфреде Боймлере (Alfred Baumeister (1887–1968), немецком философе и педагоге, авторе многих книг. Степун, скорее всего, обсуждает его книгу: *Bachofen und Nietzsche*. Zurich: Verlag der Neuen Schweizer Rundschau, 1929. Томас Манн назвал Боймлера пророком Гитлера. С 1933 г. директор Института политической педагогики в Берлине.

¹³ Иоганн Якоб Бахофен (*нем.* Johann Jakob Bachofen, 1815–1887) – швейцарский учёный, этнограф, юрист. Внёс вклад в теорию социальной эволюции, науки о семье в первобытном обществе. Выдвинул в работе “Теория материнского права” идею, что у людей первоначально существовали ничем не ограниченные половые отношения, такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, и поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии – согласно материнскому праву.

¹⁴ Речь идет о консервативном русском историке Дмитрие Ивановиче Иловайском (1832–1920). Яростный противник норманнской теории в вопросе о становлении Руси, антигерманист. После выхода Манифеста 1905 г. переходит на позиции радикального черносотенства, входит в “Союз русского народа”. Издавал (1897–1916) крайне правую газету “Кремль”, единственным автором которой был он сам. Дочь Иловайского, Варвара Дмитриевна Иловайская, была первой женой И.В. Цветаева, основателя Музея изящных искусств, отца Марины Цветаевой.

¹⁵ С.М. Половинкин считает, что “Соловьевское общество” выросло из литературного кружка 1890-х гг. Надо, однако, учесть, что до дрезденского общества прошли мировая война, большевистская революция, террор, изгнание. За границей, в Дрездене, кн. А.Д. Оболенским после его эмиграции в 1920-е гг. из Советской России было создано практически заново Русское общество им. Вл. Соловьева. Оно было ориентировано на поддержку русской культурной жизни города и поддержку местной православной церкви, основанной еще в начале 1870-х гг., в которой, кстати, была крещена дочь Ф.М. Достоевского. В подвальном помещении этой церкви и проводились с 1931 г. мероприятия Общества. В этом Обществе принимал участие и Степун, он читал здесь – в том числе и после кончины Оболенского – благотворительные лекции. В 1934 г. Степун писал Бунину: “Читаю за зиму 5 публичных (даровых) лекций, веду основанное здесь русское Соловьевское общество и зарабатываю этим марок по 50 за вечер, а то и больше, на поддержку очень нуждающейся русской церкви” (Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. Вступительная статья К. Хуфена. Публикация и примечания Р. Дэвиса и К. Хуфена // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 112).

¹⁶ Бармен (Barmen) – название бывшего города в Германии. В 1929 г. вместе с г. Эльберфельдом, Ронсдорфом и др. близлежащими пунктами объединён в один город Вупперталь (ФРГ). В Бармене в 1820 г. родился Ф. Энгельс. Очевидно, Степун так называет по старой памяти эту часть города Вупперталя.

¹⁷ Наталья Николаевна Степун (урожденная Никольская, 1886–1961) – жена Ф.А. Степуна.

¹⁸ Речь идет о статье Степуна: Чаемая Россия // Новый град. 1936. № 11. С. 11–40.

¹⁹ Эмилий Карлович Метнер (1872–1936), главный и несменяемый редактор издательства “Мусагет”, с 1907 по 1914 г. В этом издательстве, ориентированном на немецкую культуру, выходили книги А. Белого, Эллиса (Л.Л. Кобылинского), С.М. Соловьева и др. В этом же издательстве выходил журнал Ф. Степуна и С. Гессена “Логос”. Во время войны уезжает в Швейцарию, в 1931 г. получает швейцарское гражданство, занимался психологическими проектами, жил в большой бедности. Сведения о его кончине существуют в нескольких письмах, но в этом письме Степуна – свидетельство очевидца. За этим свидетельством целая история из эпохи русского “серебряного века”. Об Э.К. Метнере см.: *Безродный М.* Из истории русского германофильства: издательство “Мусагет” // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999. М.: ОГИ. С. 157–198; *Постоутенко К.Ю.* Душа и маска “Мусагета” (к истории имперского сознания в России) // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М.: ОГИ, 1997. С. 232–246; *Метнер Э.К.* Метаморфозы национальной идентификации // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 165–169. См. также мою статью: *Кантор В.К.* Ф.А. Степун, “Мусагет”, Э.К. Метнер // Кантовский сборник. 2010. № 1 (31). С. 49–59.

²⁰ Сохранилось письмо Степуна Н.К. Метнера, композитора, брата Э.К. Метнера. Письмо написано от 25 июля 1948 г., связано с мемуарами Степуна и Г. Кульманом, что ясно из текста. Приведем начало без разбивки на строки: «Дорогой Федор Августович, на днях исполнилась 12-летняя годовщина смерти моего дорогого брата Эмилия Карловича. В связи с этим с неизменной благодарностью мы вспоминаем о Вас и Наталье Николаевне, оказавших нам такую великую дружескую услугу участием к нему в его последние дни и похоронами. Никогда не забудем Ваши милых писем и того, как Наталья Николаевна провожала его гроб крестным знамением. Эти воспоминания совпали с тем, что на днях Густав Густавович Кульман передал нам Вашу книгу “Vergangenes und Unvergängliche”, где Вы упоминаете о “Мусагете” и Эмилии Карловиче» // Письмо Н.К. Метнера к Ф.А. Степуна о “вероисповедании” Э.К. Метнера. Публикация и вступительная статья и примечания Михаэля Вахтеля (Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 623).

²¹ Борис Петрович Вышеславцев (1877, Москва – 1954, Женева) – русский философ, религиозный мыслитель, в давние годы рекомендовавший Степуна поехать учиться в Хайдельберг, вместе с Э.К. Метнером переводил Г.К. Юнга.

²² Этого он сделать не мог, и в 1937 г. был изгнан нацистами из университета.

²³ Мария Федоровна Аргеландер, мать Степуна, была дочерью довольно состоятельного московского предпринимателя немецко-французского и шведско-финского происхождения.

²⁴ Имеется в виду Технический университет Дрездена, где работал Ф. Степун, откуда он был уволен в 1937 г. за антинацистские взгляды и высказывания.

²⁵ Скорее всего, речь идет о Пауле Тиллихе (см. прим. 34).

²⁶ Письмо напечатано на машинке.

²⁷ Лица не установлены.

²⁸ Это он говорит о самом себе.

²⁹ Копия в данном архиве не обнаружена.

³⁰ Это запрещение Степун постоянно нарушал, публикуясь во французской русскоязычной печати.

³¹ Речь идет о книге мемуаров Степуна, названных позже “Бывшее и несбывшееся”.

³² “Кирке Гардт” – это скорее всего Киркегор. Степун здесь использует принятую до революции транскрипцию датского имени Kirkegaard. Фраза о кризисе – это тоже аутентичная киркегоровская мысль.

³³ Казем-Бек Александр Львович (1902–1977) – глава Союза младороссов (потом Младоросской партии). В 1957 г. вернулся в СССР, работал в отделе внешних сношений Московской патриархии. Основным лозунгом Казем-Бека, как младоросса, был “Царь плюс Советы”, он думал сочетать монархию с советскими учреждениями. Младороссы стали интеллектуальным штабом великого князя Кирилла Владимировича, как претендента на российский престол.

³⁴ Пауль Йоханнес Тиллих (нем. Paul Johannes Tillich; 20.08.1886. Штарцедель, Пруссия – 22.10.1965. Чикаго, США) – немецко-американский протестантский теолог и философ, представитель *диалектической теологии*. Существует переписка Тиллиха и Степуна, с которым он дружил. В России недавно издана книга: *Лифинцева Т.П.* Философия и теология Пауля Тиллиха. М.: Канон+,

2009. К сожалению, тема взаимоотношений Степуна и Тиллиха там опущена. В “Вопросах философии” в ее переводе опубликована автобиография Тиллиха: “Кто я такой?” (2002. № 3. С. 160–172).

³⁵ American Express (сокращенно: AmEx или Amex) – американская диверсифицированная финансовая компания, работающая на рынке международного туризма и финансовых услуг, была основана в 1850 г. Компания широко известна во всем мире благодаря своим кредитной и расходной картам, а также фирменным дорожным чекам. Первое время American Express функционировала как курьерская служба, занималась транспортировкой наличных средств между физическими лицами, банками и различными компаниями. К 1929 г. American Express стала крупнейшим американским турагентством и начала занимать европейский рынок.

³⁶ Имеется в виду “Всемирная выставка искусств и техники” 1937 г. (*фр.* Arts et Techniques dans la Vie moderne), которая проводилась в Париже накануне Второй мировой войны. Рассматривается историками как показ достижений человечества накануне Великой Катастрофы. К её проведению было приурочено открытие Музея человека.

³⁷ Так у Степуна, речь, видимо, идет о Грабаре. Игорь Эммануилович Грабарь (25 марта 1871, Будапешт, Австро-Венгрия – 16 мая 1960, Москва, СССР) – русский советский художник, искусствовед.

³⁸ У Степуна явная описка. Имеется в виду Анна Петровна Остроумова-Лебедева (5 мая 1871, Петербург – 5 мая 1955, Ленинград) – российский гравёр и живописец, акварелист, пейзажист.

³⁹ Правильно: Беноццо Гоццоли (Benozzo Gozzoli, 1420–1497) – итальянский художник, автор многочисленных циклов фресок.

⁴⁰ За статуи “Партизан” и скульптурный портрет “Ворошилов на коне” А.Е. Вучетич получает золотую медаль Всемирной выставки в Париже 1937 г. Других портретов Ворошилова на коне на этой выставке не было. Какой живописный портрет имел в виду Степун не установлено.

⁴¹ Владимир Августович Степун (1886 – ок. 1965) был артистом студии МХАТ. Прошел ГУЛАГ, пережил его, в 1960-е гг. знакомые Степуна встречали его в Москве (см. *Hufen Christian. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884–1945.* Berlin, Lukas Verlag, 2001. S. 492).

⁴² Письмо напечатано на машинке.

⁴³ Артур Баумгартен (Arthur Baumgarten (1884, Кёнигсберг – 1966, Берлин) – немецкий юрист, специалист в области философии права. С 1923 г. по 1930 г. учился в Базеле. В 1930 г. уехал в Германию. После прихода нацистов к власти он в 1934 г. вернулся в Базель. Там преподавал с 1934 г. по 1946 г. философию права.

⁴⁴ Макс Хубер (Max Huber, 1874–1960), президент интернационального Комитета Красного Креста (1928–1944).

⁴⁵ Сестра Степуна.

⁴⁶ Профессор-кардиолог Дмитрий Дмитриевич Плетнев (1873–1944) – знаменитый русский советский врач. Проходил по делу об убийстве Горького.

⁴⁷ Название рассказа Бунина.

⁴⁸ Скрытая цитата из романа Достоевского “Братья Карамазовы”, выражение Алеши и Ивана Карамазовых.

⁴⁹ Илья Исидоровича Бунакова-Фондаминского.

⁵⁰ Раскавыченная цитата из комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума”.

⁵¹ Сирин – псевдоним знаменитого русского писателя Владимира Владимировича Набокова (1899–1977), чьи произведения вызывали ожесточенную полемику у эмиграции. В 1938 г. у него вышли две пьесы – “Событие” и “Изобретение Вальса”. Какую пьесу упоминает Степун, не очень понятно.

⁵² Письмо рукописное.

⁵³ В этих словах очевидная параллель – по замыслу – с гигантской мемуарной эпопеей Герцена “Белое и думы”. У Степуна – “Воспоминания, раздумья, чаяния”.

⁵⁴ Федор Степун. В последний раз. Памяти Ф.И. Шаляпина // Современные записки. Париж. 1938. Кн. 66. С. 370–377.

⁵⁵ Речь о статье: О свободе (Демократия, диктатура и “Новый град”) // Новый град. Париж. 1938. № 13. С. 11–45.

⁵⁶ Речь о книге Г.В. Флоровского “Пути русского богословия”. Париж, 1937.

⁵⁷ Имеются в виду две книги Г.В. Флоровского: Восточные отцы IV-го века (Париж, 1931 г.) и Византийские отцы V–VIII вв. (Париж, 1933 г.).

⁵⁸ Письмо написано от руки.

⁵⁹ Речь о страшной бомбежке Дрездена 13–15 февраля 1945 г. английской и американской авиацией, разрушившей полностью город, погибло по подсчетам 25 тыс. человек.

⁶⁰ Слово читается предположительно.

⁶¹ Зензинов Владимир Михайлович (1880, Москва – 1953, Нью-Йорк) – российский политический деятель, эсер. Издавал в Нью-Йорке журнал “За свободу”. Сотрудничал в “Новом русском слове”, “Новом журнале”, “Социалистическом вестнике”. Кремирован, урна с прахом была захоронена на кладбище Вудлон (Park West Memorial Chapel) в Нью-Йорке. Часть бумаг Зензинова хранится в центре русской культуры Амхэрст колледжа.

⁶² О том, как и когда были опубликованы мемуары Степуна, см. мою статью: Как издают шедевры. О публикации русского варианта мемуаров Ф. Степуна “Бывшее и несбывшееся”. Письма Федора Степуна в издательство им. Чехова. Вступительная статья, публикация и комментарии В. Кантора // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 278–319.

⁶³ Город в Швейцарии.

⁶⁴ Возможно, речь идет о первом швейцарском епископе Методистской епископальной церкви Фердинанде Зиге: Ferdinand Sigg (1902–1965).

⁶⁵ Точно установить лицо не удалось. Возможно, речь идет о Михаиле Михайловиче Осоргине (1887–1950), сыне губернатора, потом протоиерея Михаила Осоргина. Окончил юридический факультет Московского университета (1910). Воевал. Эмигрировал в Константинополь, затем переехал в г. Баден-Баден (Германия). Служил псаломщиком и регентом православной церкви в Баден-Бадене. В 1924 г. переехал в Париж, где занялся организацией Свято-Сергиевского прихода на улице Крима. В мае 1925 г. на территории этого прихода был создан Свято-Сергиевский богословский институт, где М.М. Осоргин преподавал. Скончался 16/29 октября 1950 г. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

⁶⁶ Архиепископ Иоанн (в миру князь Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989) – архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский, проповедник, писатель, поэт. В трудные для Степуна годы, когда он был изгнан из Дрезденского университета, именно отец Иоанн посоветовал ему взяться за мемуары, сказав, что это свободное время для творчества послано ему Богом.

⁶⁷ Письмо написано от руки.

⁶⁸ Лицо не установлено.

⁶⁹ Лицо не установлено.

⁷⁰ Архиепископ Фотий (в миру Борис Александрович Топиро; 1884–1952) – епископ Русской православной церкви, архиепископ Львовский и Тернопольский. С 10 по 23 октября 1945 г. архиепископ Фотий по благословению Патриарха Алексия I совершил поездку в Австрию и Чехословакию. Главной целью его визита было воссоединение с Московской Патриархией русских эмигрантских приходов.

⁷¹ Речь о пожаре Москвы 1812 г. во время нашествия Наполеона.

⁷² Этот, ныне малодоступный текст, тост Сталина на кремлевском приеме 24 мая 1945 г. стоит привести целиком: “Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. (Бурные, подолжительные аплодисменты, крики “ура”). Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа! (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты)”.

⁷³ Речь идет о статье А.В. Карташёва “Соединение церквей в свете истории”.

⁷⁴ Патриарх с 1945 г. (в миру Сергей Владимирович Симанский; 1877–1970). Занимал Московский Патриарший престол более 25 лет – дольше всех в истории Русской Церкви. Сын камергера. В 1891 г. поступил в Московский лицей (“Катковский”). Там он сблизился с московским монархическим движением, а впоследствии в 1908 г. в Туле был избран председателем губернского отдела Союза русского народа. Окончив лицей в 1896 г., поступил на юридический факультет Император-

ского Московского университета. Закончил полный курс в три года и получил учёную степень кандидата прав. В 1900 г. поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1904 г. со степенью кандидата богословия. 9 февраля 1902 г. в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры пострижен в монашество епископом Арсением; 17 марта того же года рукоположен в иеродиакона, а в 1903 г. – в иеромонаха. Далее пережил все трудности, выпавшие на долю Православной церкви, но старался придерживаться лояльной ориентации по отношению к Советской власти. 4 сентября 1943 г. был вместе с митрополитами Сергием (Старгородским) и Николаем (Ярушевичем) на встрече со Сталиным в Кремле. Результатом встречи стало указание Сталина об избрании Патриарха и дозволении открытия церковных учебных заведений; партийным куратором церковной политики стал В.М. Молотов, непосредственным её проводником – полковник госбезопасности Г.Г. Карпов, возглавивший Совет по делам Русской православной церкви. Патриарх Сергей (Старгородский) скончался 15 мая 1944 г. По его завещанию, составленному ещё в 1941 г., Местоблюстителем стал Преосвященный Алексий. Стоит привести письмо Местоблюстителя Сталину, чтобы понять отношение к нему Степуна и остальной русской эмиграции: “Дорогой Иосиф Виссарионович! Нашу Православную Церковь внезапно постигло тяжелое испытание: скончался Патриарх Сергей, 18 лет управлявший Церковью. Вам хорошо известно, с какой мудростью он нёс это трудное послушание; вам известна и его любовь к Родине, его патриотизм, который воодушевлял его в переживаемую эпоху военных испытаний. А нам, его ближайшим помощникам, близко известно и его чувство самой искренней любви к Вам и преданности Вам, как мудрому, Богопоставленному Вождю (это его постоянное выражение) народов нашего великого Союза. Это чувство проявлялось в нём с особой силой после личного его знакомства с Вами, после нашего незабвенного для нас свидания с Вами 4 сентября минувшего года. <...> В этот ответственный для меня момент жизни и служения Церкви я ощущаю потребность выразить Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, и мои личные чувства. В предстоящей мне деятельности я буду неизменно и неуклонно руководиться теми принципами, которыми отмечена была церковная деятельность почившего Патриарха: следование канонам и установлениям церковным – с одной стороны, – и неизменная верность Родине и возглавляемому Вами Правительству нашему, – с другой. <...> Прошу вас, глубокочтимый и дорогой Иосиф Виссарионович, принять эти мои заверения с такою же доверенностью, с какою они от меня исходят, и верить чувствам глубокой к Вам любви и благодарности, какими одушевлены все, отныне мною руководимые, церковные работники” (Известия, 21 мая, 1944 г., № 120; ЖМП. 1944. № 6. С. 48).

⁷⁵ Александр Николаевич Киселёв (1909, Тверская губерния – 2001, Москва) – священник Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), Православной церкви в Америке. Известен своим служением при храме Русской освободительной армии (РОА), в отроческие годы Патриарха Московского Алексия II – один из духовных наставников последнего.

⁷⁶ Город в Швейцарии.

⁷⁷ Речь идет о художнице, хозяйке салона в Дрездене Иде Бинерт (Ida Bienert, 1870–1965). В ее салоне собирались художники: Пауль Клее, Вальтер Гропиус, Оскар Кокоска и др. Эти люди входили в дрезденский круг общения Степуна.

⁷⁸ Письмо напечатано на машинке.

⁷⁹ Издатель немецких книг Степуна.

⁸⁰ Сущность и своеобразие русской культуры. Вышла по-немецки в Швейцарии. 1942. В 1944 переведена на французский и английский, но не напечатана.

⁸¹ Степун не очень точен в передаче позиции Ильина, который не раз заявлял, что после того, что произошло в России, русские люди не имеют никакого основания гордиться тем, что они ни в чем не передумали и ничему не научились, что остались верны старым доктринам и заблуждениям, прикрывавшим просто недомыслие и наши слабости. России, писал Ильин, не нужно слепое западничество, но ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи.

⁸² Скорее всего, речь здесь идет о книге Степуна: Dostoevski. Weltanschauung und Weltanschauung. Heidelberg, 1950. Она и вправду вышла в том же году, когда вышел третий том воспоминаний Степуна по-немецки: *Vergangenes und Unvergängliches. Aus meinem Leben. Bd. 3. München, 1950.*

⁸³ *Displaced Persons* (“перемещенные лица”). О статусе Ди-Пи и пр.: журнал “Библиография”. 1997. № 3 (рецензия).

⁸⁴ Леонтович Виктор Владимирович (1902–1959) – юрист, историк, публицист, эмигрировал, жил в Германии. Его знаменитая книга “История либерализма в России. 1762–1914” была написана на немецком языке, переведена на русский И. Иловайской. См. современное издание: М.: Русский путь, 1995.

⁸⁵ Очевидно, “Вестник РСХД”.

⁸⁶ Диалог был опубликован под названием “Католичество и православие” в Вестнике РСХД. Мюнхен. 1949. № IX–X. С. 8–20. Это беседа Степуна с католическим пастером Лангом, профессором богословского факультета Мюнхенского университета. См. также: *Степун Ф.А.* Чаемая Россия / Сост. и послесловие А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1999. С. 276–287.

⁸⁷ Иоанн Шаховской.

⁸⁸ Письмо напечатано на машинке.

⁸⁹ Судя по идущему далее перечислению общественно-литературных группировок, у Степуна описка. Надо – 20-го века.

⁹⁰ Правильно: “Душа стесняется лирическим волнением”. Строчка из стихотворения Пушкина “Осень”.

⁹¹ В издательстве ИМКА воспоминания Степуна опубликованы не были. Они вышли в свет в американском издательстве им. Чехова спустя шесть лет.

⁹² Шустера Степун не раз поминает в своих письмах, очевидно возлагая надежды на его помощь. В 1950 г. в письме сестре (Марге Степун) Ф.А. писал: “Америк. комиссар в Баварии проф. Шустер, которого и знает и очень ценит Карпович, прислал мне на днях очень любезное письмо, в котором просит, чтобы я связался с американцем, заведующим обменом ученых, которому он сказал все нужно[е], чтобы тот проявил энергию” (Федор Степун. Русские письма // Вестник Европы. 2001. № 3. С. 187 (публикация В.К. Кантора).

⁹³ Сергей Петрович Мельгунов (1879, Москва – 1956, Франция) – известный русский историк, политический деятель, публицист. Его беспристрастные и одновременно страстные исторические исследования посвящены истории русской революции и гражданской войны, они и обеспечили ему особое место в русской историографии. Наиболее сильная его книга, рассказавшая о ленинском Гулаге, – “Красный террор в России 1918–1923”. Впервые книга была опубликована в Германии в конце 1923 г. Выход книги обошелся Мельгунову в “шесть недель бессонницы и официальное лишение российского гражданства”. Уже в 1924 г. она была переиздана 2-м изданием, существенно дополненным. В 1990 г. “Красный террор в России” вышел в СССР. В предисловии к книге Мельгунов писал: “Нельзя пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики; нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевицкий террор. Это система, нашедшая своих идеологов; это система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства, как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире” (М.: СП “РУСО”, PS, 1990. С. 6).

⁹⁴ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959). Русский историк, с 1917 г. живший в США, сначала как личный секретарь российского посла Б.А. Бахметева (в Вашингтоне), а с 1924 г., когда посольство было закрыто, переехал в Нью-Йорк. В 1927 г. его пригласили в Гарвард, в самый престижный американский университет, где Карповичу предстояло проработать 30 лет – сначала лектором, потом доцентом, потом профессором. В 1949–1954 гг. он был деканом славянского факультета. Читал лекции по курсу “Введение в историю России”, по западноевропейской истории, по русской литературе XIX в.; разработал курс “История идейных течений в России” (хронологические рамки – от Петра I до сборника “Вехи”), ранее в США не преподававшийся. С 1945 по 1958 г. – главный редактор “Нового журнала”.

⁹⁵ Деялассированный – слово образовано по типу “деклассированный”. Происходит из термина “*dysplace person*” (DP).

⁹⁶ Одной из политических организаций, основанных белым движением, стал Народно-трудовой союз российских солидаристов. Движение употребляло термин “солидаризм” в значении, близком к значению, используемому христианинскими демократами. Сами солидаристы определяли свою идею так: Солидаризм – это учение об обществе, утверждающее солидарность разных его частей. Солидаризм противостоит тоталитарным учениям классово- или расовой борьбы. В центре его стоит человеческая личность: она может быть только целью, никак не средством. Неизбежные общественные конфликты надо решать не стремлением одной стороны подавить другую, а нахождением общих для обеих сторон ценностей и соподчинением столкнувшихся интересов этим ценностям.

⁹⁷ Имеется в виду Гарвардский университет.

⁹⁸ Может быть, речь о Г.Л. Смирнове, авторе книги “Советский человек”.

⁹⁹ Лицо не установлено.

¹⁰⁰ Николаевский Борис Иванович (1887–1966) – историк, политический деятель. С 1906 г. меньшевик. С 1920 г. член ЦК РСДРП (меньшевиков). Работал в историко-революционном архиве в Москве. Сотрудничал в журнале “Былое”. В феврале 1921 г. был арестован и после одиннадцатимесячного заключения, вместо предложенной ему ссылки в Вятку, принял предложение ГПУ о высылке, наряду с другими членами ЦК, за границу. С 1922 г. в эмиграции. Жил в Берлине. Печатался

в 1922–1923 гг. в “Новой русской книге”, в 1924–1925 гг. – “На чужой стороне”, сотрудничал также в советских изданиях (“Каторга и ссылка”, “Летописи марксизма”, “Летопись Маркса и Энгельса”). Собирал материалы по политической истории России. С 1940 г. в США. Автор знаменитой книги: *Николаевский Б.И.* Конец Азефа. Берлин: Петрополис, 1931.

¹⁰¹ Так он называет знаменитое теплое течение Гольфстрим.

¹⁰² Как известно, термин ДИ-ПИ (DP) образован из первых букв английской фразы “dysplace person”, что переводится на русский язык как “перемещенное лицо”, т.е. лицо без гражданства.

¹⁰³ Это длинное письмо частично (2 страницы) напечатано на машинке и написано от руки очень скверным почерком.

¹⁰⁴ Идут вожжой – идут *потоком* (см. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М.: Русский язык, 1981. С. 224).

¹⁰⁵ Лицо не установлено.

¹⁰⁶ И.И. Бунаков-Фондаминский.

¹⁰⁷ Письмо напечатано на машинке.

¹⁰⁸ Очевидно, опечатка. Судя по контексту излагаемых в письме событий, надо датировать письмо 1954 г.

¹⁰⁹ В результате в эту большую книгу вошло пять имен. Она вышла через десять лет: *Mystische Weltanschauung. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block.* Carl Hanser Verlag, München, 1964. 442 S.

¹¹⁰ Рукопись мемуаров была отправлена Степуном в издательство имени Чехова в 1953 г. Подробнее см. прим. 62.

¹¹¹ Так у Степуна.

¹¹² Из этих строк окончательно очевидно, что речь идет о 1954 г. Степун родился в 1884 г.

Публикация и комментарии В.К. Кантора